

A close-up, black and white photograph of a young man in military attire. He is wearing a dark beret with a star emblem and a camouflage jacket. He is holding an assault rifle with a large circular magazine and is looking through the sights with a focused expression. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

16+

Виталий Луговой
ПО СЛЕДУ ДИВЕРСАНТА

"За час до рассвета"

Виталий Луговой

**По следу диверсанта.
За час до рассвета**

«Автор»

2018

Луговой В.

По следу диверсанта. За час до рассвета / В. Луговой — «Автор»,
2018

ISBN 978-5-532-04132-5

Он был в числе первых советских бойцов, которые приняли бой с немецко-румынскими войсками на западной границе СССР 22 июня 1941 года. Он был в числе последних бойцов своего пограничного полка, которых успели эвакуировать из гибнущего Севастополя, в то время как вся Приморская армия оказалась брошена на произвол судьбы своим командованием. Он расскажет о войне с самых первых ее часов, с самых первых пуль и бомб, упавших на советскую территорию. Он расскажет о нелегком и опасном пути становления молодого пограничника – в опытного диверсанта, который пройдет дорогами войны до самого сердца Третьего рейха.

ISBN 978-5-532-04132-5

© Луговой В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая. Прутский рубеж	5
Глава 1. Товарищ младший сержант	6
Глава 2. Если завтра война...	14
Глава 3. На провокации не поддаваться?	21
Глава 4. Застава «Кагул»	28
Глава 5. Прутский рубеж	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виталий Луговой

По следу диверсанта. За час до рассвета

Часть первая. Прутский рубеж

Перед самым началом войны летом 1941 года обстановка на Румыно-Молдавской границе была крайне неспокойной. Советские пограничные отряды, охранявшие границу, которая проходила по центру реки Прут, наблюдали скопление крупной группировки немецко-румынских войск, механизированных и мотомеханизированных частей. Неоднократно фиксировались пролеты немецких самолётов вдоль границы, вплоть до её грубого нарушения. Также имели место частые провокации с румынской территории путем обстрела советских погранотрядов.

На 20 июня отмечена дислокация 11-ой немецкой армии, 3-й и 4-й румынской армии общей численностью около 500 тысяч человек, 6 тысяч орудий и минометов, 60 танков и 600 самолётов...

Румыно-Молдавскую границу протяженностью 480 километров прикрывали войска Одесского Военного Округа. Общая численность советских войск, находившихся в приграничных районах, составляла 364 700 человек, 950 самолётов, 769 танков, 5554 орудий и миномётов.

20–21 июня часть приграничных войск Красной Армии после поступления секретной директивы, скрытно занимает оборонительные рубежи вдоль реки Прут. На запасных аэродромах развернута авиация, а командующий состав организовал полевой штаб под Тирасполем.

В час ночи 22 июня поступил приказ о приведении войск западных приграничных округов в полную боевую готовность, все части погранвойск и регулярных частей были подняты по тревоге. В составе погранвойск Одесского военного округа проходит службу молодой пограничник Юрий Луговой. На рассвете 22 июня 1941 года, для него начнется сложный и опасный путь становления из юного пограничника в опытного диверсанта, который пройдет дорогами войны до самого сердца Третьего рейха.

Глава 1. Товарищ младший сержант

Молдавская ССР.

Май 1941 года.

Тот солнечный день я помнил так, как будто он был вчера. Даже по прошествии стольких лет и всего того, что выпало на мои плечи, и плечи тысяч таких же пацанов каким был я, тот день отчетливо врезался в мою память. В тот день еще не было этой страшной войны, которая перечеркнула судьбы миллионов советских граждан. Тогда ничего не напоминало мне о том, что совсем рядом со мной, в нескольких километрах от границы, стоит огромная ударная группировка немецко-румынских войск, только и ждущая приказа ударить по Молдавии. В тот день у нас, двадцатилетних пацанов еще была надежда на то, что не будет никакой войны, а впереди нас будет ждать большая взрослая жизнь.

В тот день у меня было отличное настроение. Мне и моему товарищу присвоили очередное воинское звание «младший сержант» и дали двое суток увольнительных. За два дня до этого, в мой крайний наряд на границе, я задержал вооруженного лазутчика с сопредельной территории. Граница между Молдавской ССР и Румынией проходила по самому центру небольшой реки Прут. Мы знали, что за нами с той стороны пристально наблюдают. Знали кто наблюдает и даже сами видели их. Да они особо и не скрывались. Немцы. Офицер и два солдата, иногда пятеро солдат. Стоят на песчаном пригорке и наблюдают в бинокли. Как видят нас, улыбаются, руками машут:

«Привет мол Иван! Ты – друг, я – друг, стрелять нихт, нихт крик!» – и прочие подко-вырки.

Они прекрасно знали, что у нас был приказ: ни в коем случае не поддаваться на провокации и постоянно этим пользовались. Однажды, например, целый взвод на берег высыпал и давай плескаться. А мы сидим в секрете и наблюдаем за этой вакханалией, не дай бог, кто на середину заплывет. Как тогда быть? Это ведь нарушение границы, а на предупреждения они не реагируют, только стрелять. А если выстрелишь – объявят провокатором. С тебя потом свое же начальство голову снимет, приказ ведь. А на четкие инструкции о том, как должно действовать погранотряду в таком случае – как-то глаза у них закрываются.

Так и охраняли мы границу. Они нас всячески провоцируют, а мы молча наблюдаем за ними и нарушителей ловим, которых их разведка подсылает. Местные румыны – крестьяне, из них лазутчики как из меня балерина, не шибко они рвались помогать своим немецким хозяевам, потому что немцы их и за людей не считали. Таких лазутчиков много было, всех изловили, а некоторые сами приходили в комендатуры.

Но тот ходок был совершенно другим, тогда я этого не понимал, но сейчас могу с полной уверенностью сказать, что это был не простой крестьянин, а хорошо обученный и подготовленный диверсант. И не стоять бы мне на этом месте, если бы он действительно захотел уйти от моего преследования. Он сдался специально, позволил мне поймать его. А его немецкие друзья с сопредельной территории наблюдали за нашими забегами в бинокли.

Это случилось перед самым рассветом, они хорошо подгадали время, когда бдительность максимально снижается и в сон начинает клонить сильнее. Нас было трое: я, мой друг Сашка Соколов и сержант Дима Нечипоренко. Он то первый и увидел нарушителей. Они переплывали реку настолько тихо, что до наших ушей не донесся ни единый всплеск, в то время как румын было слышно еще с того берега. Зачем они послали их к нам? Совсем скоро я узнаю ответ на этот вопрос. Они хотели посмотреть, как будут действовать пограничники в случае столкновения с реальными вооруженными диверсантами, а не с обычными крестьянами.

Наш секрет располагался вдали от любопытных глаз немецких наблюдателей. Он был хорошо замаскирован внешне, и с обеих сторон его окружала высокая густая ива. До уха Нечи-

поренко донесся еле слышный всплеск воды. Где-нибудь в другом месте, никто бы не обратил на это никакого внимания. Но только не на границе. Реку переплыли два человека, в гражданской одежде и бесшумно выбрались на берег. Мы видели их отчетливо и уже были готовы броситься на перехват.

– Ребята, к нам гости!

Сержант толкнул дремавшего Соколова и перебрался чуть ближе к дереву. Солнце еще не совсем вышло на небосвод, но неприятелей, вышедших на наш берег, уже было очень хорошо видно.

– Что?! Кто?!

Александр встрепнулся и протер слипающиеся глаза:

– Где?

– На берегу, чуть левее от нас, – я тоже заметил их и ждал приказ Нечипоренко.

Это было не первое мое задержание, я прекрасно знал, как нужно было действовать и был готов. Осенью мой срок службы подходил к концу. Полтора года я прослужил тут, на границе, а до этого – год в учебной части под Кишиневом. Чем ближе становилась осень, тем дальше от границы были мои мысли. Все чаще во снах, я видел родную Полтавщину, мой дом и конечно маму. Я все чаще задумывался о том, какая будет жизнь дальше, после всего этого? Тут бывало и такое, что ребятам уже отслужившим свой срок, приходилось оставаться на заставе дольше положенного на несколько месяцев, потому что пополнение не успевало прибывать.

– Как только начнут движение – вяжем их! Юра, ты бери того с мешком, я второго, Сокол, ты прикрываешь, – распорядился сержант.

Александр кивнул, передернул затвор карабина и нацелился в нарушителей.

– Как думаешь, кто это? – спросил Нечипоренко.

– Не могу знать, товарищ сержант, крестьяне опять шастают?

– Нет, это не крестьяне, – Соколов толкнул меня в плечо и указал на того, кто был с мешком – смотри.

Один из нарушителей, тот, кого я должен был задержать, что-то коротко сказав второму, вдруг достал из-за пояса какой-то предмет. Это была легенда гражданской войны, никогда раньше мне не доводилось его видеть – немецкий пистолет Маузер.

Мы переглянулись. На моем веку, это был третий случай вооруженного перехода границы. В основном нам попадались контрабандисты, но эти двое совсем не были похожи на них.

– Оружие! – воскликнул Соколов.

– Вижу, – ответил сержант, – Юра, возьми мой автомат, давай свою винтовку, второй скорее всего тоже вооружен, с ним я и так справлюсь.

– А если это провокация? – спросил я Диму.

Мне еще не верилось, что совсем скоро грянет настоящая, большая война.

– Они пересекли границу, тем более с оружием. Действуем согласно инструкции, Соколов прикрывай!

Нечипоренко встал и выскочил из секрета, я последовал за ним.

– Всем стоять! Вы нарушили государственную границу Союза Советских Социалистических Республик, бросить оружие и лечь на землю! – закричал сержант.

Здоровяк увидев нас вдруг резко выхватил Маузер и выстрелил в нашу сторону. Пуля опасно просвистела в миллиметрах от моего уха. От неожиданности перехватило дыхание, это был первый случай на границе, когда в меня стреляли.

– Бросай оружие, иначе откроем огонь на поражение! – повторил Нечипоренко и выстрелил в воздух.

Они бросились в рассыпную. Здоровяк побежал в направлении города Кагул, а второй в сторону нашего запасного аэродрома. Если бы они побежали обратно в реку, а наши пули

улетели за ее середину, возможно, мы бы спровоцировали нападение немцев раньше. Но тогда мы не думали об этом.

– Луговой хватай его, я за вторым! – приказал сержант и бросился на перерез беглецу.

– Есть! – я побежал за здоровьем.

Он был в хорошей физической форме. Не смотря на то, что весь берег был покрыт песком, а кое-где и галькой, по которой было неудобно бежать, нарушитель стремительно отдалялся от меня.

– Стоять! – кричал я вслед беглецу. – Стой, стрелять буду!

Бандит вдруг резко обернулся и выстрелил. Я успел пригнуться, меня не задело. Он сбавил темп и нырнул под прикрытие дерева. Оттуда ему будет удобно стрелять по мне, а вот у меня никаких укрытий не было. Прозвучал второй выстрел, я бросился ничком на гальку и выстрелил в ответ. Мне было плохо видно врага, поэтому я старался стрелять на вспышки его Маузера. Он выстрелил еще четыре раза и с каждым выстрелом пули ложились все ближе ко мне. Я постоянно перекачивался с места на место, стреляя короткими очередями и все ближе подползая к нему.

У него оставалось три патрона в магазине, нужно быть аккуратней. Я не хотел, чтобы табличка с моим именем украсила наше кладбище, на котором покоились убитые при выполнении служебного долга пограничники.

Прозвучал еще один выстрел. Нарушитель высунулся из-за дерева, что бы посмотреть – не убил ли он меня, а я только этого и выжидал. Мой палец плавно выжал спусковой крючок. «ППД» дернулся, толкнув меня в плечо и выпустил четыре пули. Очередь попала в ноги неприятеля и тот с воплем упал на землю. У него еще два патрона, еще ничего не кончено.

Я встал, нацелился на вопящее от боли тело и быстрым шагом подбежал к нему, отфутболив в сторону пистолет. Это действительно был Маузер. Замечательное оружие.

Передо мной лежал, корчась от боли и с перекошенным от злобы лицом человек, он не был похож ни на одного румына, которых я задерживал до этого. На вид ему было около сорока, довольно крепкого телосложения и с хорошо заметной военной выправкой.

– Сука большевистская... – простонал он, – тебе еще отольется за это... м-м-м...

– Вставай, отбегался!

Я нацелился ему в грудь.

– Скоро ты побежишь, а если не побежишь – то сдохнешь на этом самом месте, уж попомни мои слова!

– Да, и кто же меня тут уложит, ты что – ли? Давай зубы мне не заговаривай.

– О-о, братец, ты себе даже не представляешь, что тебя ждет и твоих дружков!

– Вставай, рожа белогвардейская, будешь следовательно сказки рассказывать!

Я схватил его за ворот и поставил на ноги. Его рана сильно кровоточила, наверное, я прострелил ему артерию. Нужно будет наложить повязку и срочно вызывать дежурную группу, иначе истечет тут кровью и помрет. Когда я вел его к дороге, до моего уха донесся свист. Я оглянулся и увидел на берегу, на румынской территории немца, того самого, который пристально следил за нами последние месяцы. Он опустил бинокль, улыбнулся и похлопал в ладоши:

«Гуд, Иван. Зер гуд».

Вот сволочь! Была бы моя воля, я бы стер эту нахальную улыбку с его лица, но тогда... тогда еще было другое время – мирное. Я кивнул ему в ответ и направился к товарищам.

Сержанту повезло меньше чем мне, второй нарушитель оказался проворнее и успел подстрелить Диму. Его ладонь была перевязана, а сам сержант протяжно выл от боли. Диверсант отстрелил ему указательный палец на правой руке. Нечипоренко еще повезло, целился ведь неприятель грудь, а попал по винтовке. Выстрел Сокола оказался точнее, второй нарушитель лежал рядом с простреленной головой. Александр сидел рядом с трупом и косился на него. Вид у бойца сейчас был не важный, он первый раз в своей жизни убил человека. Пусть даже

врага. Он был чернее тучи, а спустя пару минут побежал блевать в кусты. До этого дня мне тоже приходилось стрелять в людей, но я старался бить по конечностям, и мне даже думать не хотелось, а какого это – убить человека?

– Ничего, ничего, братишка!

Нечипоренко кривясь от дикой боли пытался приободрить пограничника.

– Это нормально. Так всегда бывает первый раз. Не держи в себе – это страх из тебя выходит.

Александр кивнул, снова покосился на еще теплое тело и тут же вскочил снова помчался в кусты.

Через час с заставы прибыла дежурная группа. Нарушителей увезли в Кагульскую комендатуру, а нас сменили. Утром, перед строем, начальник заставы объявил нам троим благодарность. А к наступающему первому, обещал представить к очередному воинскому званию меня и Сашку. Так и случилось. Нам и нескольким бойцам моей заставы дали увольнительные на двое суток. Ротный старшина, добродушный сибиряк, Иван Тимофеевич Илонов, в тот день как раз отправлялся в Кишинев по каким-то его делам по обеспечению, а мы с Саньком напросились с ним, обещая помочь в загрузке машины.

Ох и давненько же я не был в Кишиневе. Как будто целая жизнь прошла. Город совсем не изменился. Целый день мы слонялись по нему, наслаждались мороженым, наблюдали за обычной гражданской жизнью. И конечно за местными девками! Ну куда же без этого? Им были интересны два симпатичных пограничника, но познакомиться с кем-то из них мы так и не смогли. Под вечер зашли в кинотеатр. Там показывали кинофильм «Веселые ребята», на который меня в наш Дом Культуры однажды потащила старшая сестра Валька. Я сразу вспомнил ее. Наши прогулки в родном Кременчуге. Как там мои сестрички поживают интересно? Наверное, уже женихов себе нашли или все в учебе? Эх, вернемся в часть, напишу домой письмо своей девичьей семье.

Когда фильм закончился, мы вышли из дома культуры и снова пошли бродить по городу. Сапоги начищены, красные звезды на зеленых фуражках блестят, мы счастливые, brave вояки пограничники. А вокруг – свобода! Никто не стоит над душой, никто не приказывает: куда идти и что делать, а воздух-то воздух какой!

– Эй, Юрок, а пойдем на танцы? – вдруг предложил Сашок.

– Да на какие танцы, я танцую как валенок! – рассмеялся я.

Много раз до армии сестры пытались затащить меня на танцы, но я всегда отказывался.

– Товарищ младший сержант!

Соколов сделал шаг вперед, развернулся ко мне лицом и встал поперек дороги.

– Разрешите обратиться? – сказал он и тут же расплылся в улыбке.

– Разрешаю, товарищ младший сержант! – я еле сдерживал смех.

– Разрешите пригласить вас на танцы?

– Вот послал же мне Бог дружка – дуралея!

Мы оба рассмеялись. Думаю, что со стороны мы казались двумя идиотами в этот момент, но у нас было прекрасное настроение. А впереди еще целые сутки отпускных!

– Смотрю ты уже пришел в себя после того случая? – спросил я друга.

– Знаешь, он, падла, мне две ночи подряд снился, – ответил Сокол – а потом – как старуха отшептала. Гад ведь он был, Диму вон чуть не убил. Так с чего я должен жалеть эту паскуду?

Я улыбнулся и молча хлопнул его по плечу:

– Ладно, пошли, балерина, может хоть с девчонками познакомимся, а то ты мне уже порядком надоел!

– Ой, что-то мы засиделись братцы, не пора ли нам разгуляться... – пропел Соколов и первым устремился вперед.

Я буду не честен, если скажу, что мне там совсем не понравилось. И местные девушки были тут совсем не причем. Ну, почти не причем. Мне еще никогда не доводилось слышать настолько красивое исполнение известного в Союзе вальса. На небольшой площадке, почти в центре Кишинева, по вечерам устраивали танцы. Туда приходило много молодых людей, но кроме нас, там не было ни одного военнослужащего. Лишь комендантский патруль прохаживался в парке неподалеку. Пожилой аккордеонист закончил исполнять какую-то неизвестную мне молдавскую мелодию и начал исполнять знаменитые «Дунайские волны». И готов поклясться, что это было лучшее исполнение, которое я когда-либо слышал.

Придя на танцплощадку, Александр сразу же направился в гущу людей и сцапав одиноко стоящую в стороне красивую девушку уволок ее за собой, закружившись с ней в танце. Она даже удивиться не успела, а мой дружок, улыбаясь ей во все тридцать два зуба, уже рассказывал ей о своей опасной службе. У меня тогда не было особого желания танцевать, потому что я совершенно не умел этого делать и честно скажу – не хотел позориться.

Красивая музыка разнеслась далеко за пределы танцплощадки, приятно радуя слух. Композиции от аккордеониста то и дело сменялись на местные молдавские. «Дунайские волны», «Рио-Рита» звучали в тот вечер и такого исполнения я еще никогда не слышал!

Так прошло около двух часов. Ко мне несколько раз подходили молоденькие молдаванки и хотели пригласить на танец, но я вежливо отказывался, а мой неугомонный друг все кружился и кружился. Бедная девчонка, совсем он ее уже замучил. По ней видно, что устала бедняжка, а у самой глазки так и блестят. Уж больно приглянулся ей этот красивый и сладкоголосый солдатик. Мне бы его энергию. Счастливый человек, что сказать.

Но потом случилось то, что частенько случается в таких местах, когда приходишь впервые на танцы в незнакомом месте.

– Эй, москалик!

Соколова кто-то схватил за плечо и оттолкнул от девушки.

– Эй, это что за дела?!

Александр обернулся и увидел троих парней стоящих перед ним. И по выражениям их «приветливых» лиц, было ясно, что от этой встречи не стоило ожидать ничего хорошего.

– Чего вам, ребята? – спросил Александр.

– Ты зачем сюда приперся, к чужим дивчинам приставать?! Сейчас мы тебя проучим!

Самый ретивый из троицы бросился с кулаками на бойца. Но Сашка был не робкого десятка, он умело блокировал удар и перебросил парня через себя.

– Ах ты сволочь!

Два его друга тут же набросились на Сокола. Вот теперь ему точно нужна помощь.

– Лёнька, остановись, что ты делаешь! – взвизгнула девушка, с которой танцевал мой друг.

– Молчи, Родика! С тобой позже разберусь!

Упавший парень поднялся на ноги, злобно зыркнул на испуганную девушку и вытер кулаком кровь с разбитой губы. Я растолкал толпу и вышел к нападавшим. Они пока не видели меня и были заняты избиванием Сашки. Он довольно ловко отбивался от них, все таки нас, пограничников, хорошо готовили к рукопашным схваткам, но численный перевес был не на его стороне.

– Эй, козлы!

Я снял свою фуражку, повесил ее на фонарный столб:

– Не гоже втроем да на одного, не против, если я уравнию шансы?!

Вся троица на мгновение отложила избивание моего друга и обернулась ко мне.

– А, еще один краснопузый!

Тот, кого партнерша Соколова назвала Ленькой оскалился и хрустнул костяшками пальцев:

– Тоже к сестре моей клеешься? Ну сейчас мы вас убивать будем!

Он потянулся в сапог и выхватил из него нож.

– Не советую, – я покачал головой.

– А что? В штаны нассал, служивый? – злобно усмехнулся задира.

– За тебя переживаю, вдруг порежешься еще...

– На, держи!

Он сделал резкий размашистый выпад, а двое его дружков снова набросились на Сашку. Мне не составило труда уклониться от Ленькиного ножа, народ сразу расступился, ситуация начала накаляться.

– Сокол ты как? – прокричал я другу.

– Порядок, Юрка!

Он сумел одолеть одного противника и повалить его на пол. Второй решил переключиться на меня. Он попытался ударить меня кулаком в скулу, но я успел поднырнуть под его руку и нанести два молниеносных удара. Первый удар пришелся ему в живот. Задира охнул и согнулся в три погибели. Не дожидаясь пока противник очухается, я нанес ему второй удар по темечку.

Поняв, что оба его друга выведены из драки, Лёнька снова неумело атаковал меня ножом. Он размахивал им перед моим лицом, пытаясь сначала порезать меня, а потом уколоть. Вскоре нападавший начал уставать. Улучив момент перед очередным колющим ударом, я перехватил его руку, вывернул ее на себя и резко дернул. Раздался противный хруст ломающейся кости, парень дико заорал и выронил нож.

– Нужно было послушать меня!

Я подобрал его нож и сунул в свой сапог. Ко мне подошел побитый Сашка. Все лицо в крови, нос сломан, а под глазом уже наливается лилового оттенка «фонарь».

– А-а-а-ай! Суки! Ублюдки краснопузые! – кричал задира.

– Больно, как больно, курва!

Вдруг где-то за танцплощадкой из темноты послышался пронзительный свист и крики. Вот так подлянка, нам только патруля тут не хватало! Я подхватил свою фуражку, схватил Соколова за шкурку, и мы тут же пустились на утек.

– Răpсiğă gărănoasă!¹ Я еще поквитаюсь с вами, твари! – донеслось нам вслед.

Бежали мы долго и сами не знали куда. Дом сменялся домом, а улица улицей. Отбежав достаточно далеко от танцплощадки остановились и перевели дыхание. Время уже перевалило далеко за полночь. К утру нас будет ждать старшина Илонов на складе, мы должны выполнить свое обещание и загрузить ему грузовик. Но как появиться перед его суровыми глазами с такими разбитыми мордами? Можно будет сразу забыть про увольнительные до конца службы. У меня-то еще ничего, а вот Соколу хорошо портрет подправили. Ему бы хоть кровь с лица смыть и к носу холодное приложить, да только где это посреди ночи сделать?.

– Ну что, танцор твою мать! – я был зол на него – Натанцевался всласть?!

– Да ладно тебе, – он сплюнул кровавую слюну и потрогал сломанный нос, – давненько так не махались!

– Как со старшиной теперь разговаривать? Он же нам устроит теперь веселую службу. Обещали ведь без выкрутасов.

Получить нагоняй от Илонова мне совершенно не хотелось. Он мужик хоть и добрый, но если его разозлить, то проблем потом не оберешься.

¹ Нецензурное ругательство по-молдавски. – Прим. авт.

– А ты-то что переживаешь, это из-за меня все случилось, я и пойду с повинной, – улыбнулся друг.

– Ишь ты, какое благородство! – мне было совсем не смешно.

– Ладно, двинули до склада, вместе гуляли, так и огребать тоже будем вместе.

Пока доковыляли в другой конец города, уже совсем рассвело. Старшины еще не было на месте, поэтому мы уселись возле заборчика, под огромным тополем и принялись его ждать.

Старшина появился спустя час и коротко кивнув нам на проходной, сразу направился к завхозу, получать новое обмундирование. Через несколько минут, получив соответствующие документы, Иван Федорович вышел и направился к нам. И с каждым его шагом, сердце мое колотилось все чаще и чаще. Ну, держите шапки, сейчас начнется...

– Божечки-кошечки...

Воскликнул Илонов, остановился перед нами и с прищуром начал осматривать:

– Вы только гляньте на этих красавцев. Вот она, гордость нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии! И где же это вы так споткнулись-то, друзья мои ситные?!

– Так мы это, товарищ старшина...

Я попытался на ходу придумать правдоподобную отговорку, но в моей голове была одна каша.

– Замолчи, Луговой! – оборвал старшина. – Что с рожами, я вас спрашиваю?

– Мы...это, – у Соколова видимо тоже не было никаких идей, – мы...

– Ну-у-у-у? – нависал над нами старшина, – давай-давай рожай, что «мы...»?

– Мы...подверглись нападению...местного деклассированного, контрреволюционного элемента, – выдавил из себя Александр.

– Ты смотри, какие мы слова знаем! – воскликнул старшина, – элемента говоришь?!

Далее последовала долгая и утомительная воспитательная речь Ивана Федоровича, о том, что мы позорим Красную Армию перед местными жителями подобными выходками. О том, что красноармеец не имеет права поддаваться на подобного рода провокации, обязан всегда держать себя в руках и подавать пример другим... и что не гоже пропускать столько ударов по лицу.

– Это тебя касается, Соколов!

Старшина ткнул пальцем в разбитый нос Сашка.

– Их больше было, товарищ старшина... – пробурчал он в ответ.

– Соколов! – прикрикнул Илонов.

– Виноват, товарищ старшина, исправлюсь!

– Вот что мне с вами теперь делать? Я же вас за честное слово с собой взял, а теперь перед ротным объясняться, почему у вас морды такие красивые! – причитал старшина.

– Может скажем, что на складе покалечились?

Старшина уставился на меня, еле сдерживая смех.

– На складе? И каким же образом? Может мешок с исподнями вас бедолаг зашиб? – усмехнулся он.

Александр заулыбался, но после пристального и строго взгляда старшины, улыбка моментально слетела с его лица и Сокол снова стал хмурым.

– Ладно, раздолбай, – старшина подошел к кузову и открыл борт – загружайте имущество и отбываем согласно графику!

– Есть!!! – ответили мы хором и поспешили выполнять распоряжение.

Почему этот день настолько врезался мне в память, даже спустя столько лет? Возможно потому, что этот день был последним, спокойным и обыденным днем, какими были все дни до войны. В этот день мы в последний раз спокойно гуляли по городу и над нашими головами не

летали волны бомбардировщиков, а из каждого окна по нам не палили из пулеметов. Каждый встреченный нами человек был обычным советским гражданином, рабочим, служащим или студентом и не было среди них ни шпионов, ни предателей, ни агентов немецкой разведки. Они все были живы, все были по-своему счастливы. А до войны оставалось меньше месяца.

Глава 2. Если завтра война...

Молдавская ССР.

22 июня 1941 года.

0 часов 15 минут.

Ночью в казарме было очень душно, не помогали даже настежь раскрытые окна. Все солдаты спали, лишь дневальный стоял у подоконника и глядя в окно клевал носом.

В эту ночь Юре плохо спалось. Уже несколько дней он не мог прийти в себя после своего последнего наряда на границе. С противоположного берега Прута, где уже была территория Румынии, по пограничникам внезапно открыл огонь румынский патруль. В последнее время такие провокации были нередкими и всегда обходились без потерь. Но только не в этот раз. Погибла всеобщая любимица на заставе – немецкая овчарка по кличке Альма. Румынский снайпер целенаправленно целился в собаку, потому что убийство советского пограничника могло расцениваться как начало открытых боевых действий. Альма погибла на месте. Румынская пуля угодила в висок собаки и прошла на вылет. Её похоронили следующим вечером на территории заставы, как бойца-пограничника, погибшего при исполнении служебного долга. Альму любили все.

Среди бойцов ходил слух, что скоро начнется война, не зря же все эти провокации с сопредельной стороны. Самолеты немецкие частенько залетали на нашу территорию, и местных румын то и дело ловили на нашей стороне, те явно что-то вынюхивали. Не спроста это, ох неспроста. Но он старался отогнать от себя эти мысли как надоедливых мух, ведь они не поощрялись в армии. Если сам не перестанешь думать о ерунде, то тебе поможет политрук, а лишний раз слушать политические лекции совершенно не хотелось. Лекции – лекциями, но глаза-то не обманешь.

Юра все чаще задумывался о возвращении домой, в родной Кременчуг. Какое оно будет, как там все изменилось? Сестрёнки уже взрослые, а старшая Валька, наверное, уж и замуж вот-вот выйдет. А вот мама постарела. Mamochka, как же он скучал по ней. Уже скоро, осталось совсем немного, и он вернётся домой, вернётся на хлебозавод, а потом и в Харьков можно поехать учиться, эх, вот жизнь начнётся. Скоро уже июнь закончится. Сегодня 22 число, а там июль, август, сентябрь и домой. Но то, как активизировались румыны в последние дни не давало парню покоя. В воздухе витало чувство ужасной бури, которая должна вот-вот разразиться. На той стороне скопилось уж очень много немецких солдат и техники. Не очень – то похоже на обычные учения, как будто к войне готовятся. А что, если... Да нет, не может этого быть! Юрий сразу отогнал пугающую мысль и перевернулся на спину. Так, надо поспать хоть немного, завтра снова в наряд, надо выспаться.

А в это время на другой стороне границы, на территории Румынии, большая ударная группировка состоящая из: 7-и немецких пехотных дивизий, 13 румынских пехотных дивизий и 9 румынских бригад готовилась к вторжению в СССР. Приказ о начале боевых действий против Красной Армии уже был получен из ставки Гитлера. Солдаты и офицеры вермахта были настроены решительно и уверены в быстрой и безоговорочной победе. Немецкое командование рассчитывало уничтожить все советские приграничные комендатуры в течении получаса, захватить мосты и переправы через Прут и начать дальнейшее продвижение вглубь страны. Превосходство немецких войск перед советскими было почти пятикратное. Данная группировка немецких войск находилась в оперативном подчинении командующего группой армий «Юг», фельдмаршала фон Рундштедта, а командование румынскими войсками осуществлял лично генерал Ион Антонеску. По плану операции «Барбаросса» действия этих армий носили

сковывающий характер, а решающее наступление планировалось после того, как группа армий «Юг» добьётся успеха в направлении главного удара по территории Украинской ССР.

Немецкий фельдмаршал фон Рундштедт планировал два сценария наступления с румынской территории. Первым сценарием была операция «Нахтшосс», целью которой было воспрепятствование и преследование советских войск в случае их отвода за Днестр. Вторым сценарием была операция «Мюнхен». Она планировалась в случае длительного сопротивления Красной Армии на рубеже вдоль Прута и необходимости прорыва обороны.

* * *

Река Прут.

Участок 12-й Кагульской погранзаставы.

22-е июня 1941-го года.

00 часов 15 минут.

Этой ночью в воздухе витала неприятная напряженность. На другом берегу Прута, на румынской территории, с вечера стояла непонятная возня. Пограничники наблюдали за оживлением румынских войск, и они явно готовились к чему-то.

Сомнений почти не осталось. Со дня на день начнётся война! Ещё вчера наши саперы заминировали железнодорожный мост, а позавчера усилились пограничные наряды и скрытно заняли оборону вдоль рубежей. Немецкие самолёты уже который раз залетают на нашу территорию, разведывают. Но и наши разведчики тоже не дураки, уже вычислили где у них артиллерия развернулась. В случае чего им хорошо достанется. Солдаты знали, что в случае начала крупномасштабных боевых действий, Красная Армия сможет дать агрессору равноценный массированный контрудар и отбросить от границы. Ведь погранотряды и разведка неоднократно докладывали вверх о положении вещей на границе, Кремль уже должен быть готов к отражению нападения.

С румынской территории снова донеслись звуки, к берегу подъехало еще несколько грузовиков с пехотой. Сколько именно их было, бойцы в кромешной темноте рассмотреть не смогли, но, судя по свету автомобильных фар, это была большая колонна, не менее двадцати автомашин.

– Серёга, ты видишь, сколько их там, а? – тихо спросил молодой пограничник.

– Вижу. – Ответил сержант. – Зашевелились гады, наверное, уже скоро попрут.

– Может, обойдётся, может, они просто учения проводят, а Серёг?

Парень был на нервах и явно напуган.

– Да не суетись ты, Николай, ты же пограничник, ты не должен бояться, – Сергей грозно посмотрел на молодого, – а ну соберись!

Николай вздохнул, поправил фуражку и снова уставился в бинокль. За позициями пограничников уже приводилась в боевую готовность наша артиллерия и авиация. Приграничные войска молдавского округа были готовы к отражению вражеского нападения.

* * *

Тревога прозвучала внезапно, Юра только успел задремать. Стрелки часов остановились на часе ночи. Завыла оглушительная серена, солдаты тут же повыскакивали со своих спальных мест и начали быстро одеваться. Кто-то в суматохе пытался выяснить у дневального, что происходит, учения или уже война? Но, взволнованный солдат сам не мог дать внятного ответа и лишь пожал плечами.

Юра быстро оделся. Мысли в голове путались, он еще до конца не осознал, что происходит. Командир роты был уже на месте и построил бойцов для получения оружия. После вооружения рота пограничников выстроилась возле казармы на плацу в ожидании приказов.

Вышел старший политрук Мичурин и сказал ожидать машины для отправки на заставы. До многих ещё не дошло, что же случилось на самом деле. Многие бойцы думали, что это учебная тревога, и она скоро закончится. Как же жестоко они ошибались. Если бы только знали эти молодые ребята, что через несколько часов многие из них погибнут. Если бы знали, что сейчас назревает на той стороне Прута...

Через час подошли две полуторки и началась погрузка в машины. Юра уселся в самом конце и закрыл борт. До заставы добираться минут двадцать. Уже начало светать, прохладный летний утренний ветерок приятно обдувал лицо. Над головой пролетело звено истребителей «И-16». Самолёты ушли в сторону границы и пропали из виду, а солнце уже поднималось над землёй. Наступал рассвет.

Вдруг со стороны границы донеслась канонада, стреляли из пулеметов и винтовок. Через несколько секунд ружейно-пулеметную стрельбу заглушили взрывы. Заработала артиллерия, только чья? Наша или румынская?

– Эй, ребята, смотрите там самолёт! – прокричал кто-то из бойцов.

– Это же наш «Ишак»! Твою мать, да он весь в огне!

– Он падает!

Истребитель был охвачен пламенем, пролетел низко над землей и упал за лесополосой.

– Да что же это происходит-то?!

Волнение среди пограничников нарастало. Луговой крепко вцепился в свой пулемет «Дегтярева» и думал, неужели это происходит с ним наяву, неужели война и правда началась?! Но канонада, доносящаяся с границы, не оставила никаких сомнений, все это было реально!

Полуторка неслась к заставе, не разбирая дороги. Бойцы изо всех сил вцепились в борта машины и старались не вывалиться из неё на кочке. Противник открыл мощный артиллерийский обстрел по позициям пограничников, а вдалеке послышался гул самолётов. В небе, насколько хватало взора, показались нескончаемые волны немецких тяжёлых бомбардировщиков. Темные словно ливневые тучи, самолеты с черными крестами на крыльях пересекли воздушное пространство СССР и устремились вглубь страны. С аэродромов по тревоге были подняты наши истребители, но, не смотря на всю отвагу советских пилотов, справиться с превосходящим противником они не могли. Немецкие и румынские пикировщики пронеслись над головами ошалевших красноармейцев и устремились к нашим аэродромам.

Но вот от звена «Юнкерсов» отделился один самолёт и начал кружить над машиной, в которой ехал Юра. Кто-то из солдат крикнул:

– Смотрите, это немецкий самолёт, с крестами!

– С крестами?

– Может, это санитарный самолёт?

Но «санитарный самолёт» развернулся ко второй машине, идущей позади, и открыл по ней огонь из курсовых пулеметов. Полуторку прошила длинная очередь, автомашина подскочила, у неё лопнули обе задние покрышки. Половина лобового стекла откололась, а оставшуюся половину залило красным – водителю пробило голову. В следующую секунду машина перевернулась, топливный бак загорелся, и грузовик взорвался. Два отделения бойцов, находящихся там, мгновенно погибли.

– Вашу мать, вот вам и санитарный!

Из кабины высунулся политрук Мичурин и, перекрикивая гул моторов вражеского пикировщика, приказал открыть огонь по самолету. Полуторка оцетинилась винтовочными стволами, устремившимися в небо. Юрий вскинул пулемет и открыл огонь по бомбардировщику,

но никто так и не смог попасть в него. «Юнкерс» сделал ещё один круг и стал заходить на следующий заход. Ружейно-пулеметный огонь не смолкал ни на секунду. Юрий, израсходовав один диск сразу начал пристегивать новый. Руки тряслись и не слушались его, но пулемет все – таки поддался, и диск был пристегнут на место. Вражеский самолет подлетал к полуторке, у Юры было ощущение, что он видит улыбающееся в волчьем оскале лицо пилота. Прозвучал свист, авиабомба камнем устремилась к машине.

– Берегись, сейчас рванет! – закричал один из бойцов.

Луговой пригнулся, и в следующую секунду прогремел мощнейший взрыв. Пилот немного промахнулся, бомба угодила чуть правее от грузовика, большая часть осколков при- шла на кабину и тех бойцов, которые сидели с правой стороны. Машину подбросило с такой силой, словно невидимая гигантская рука схватила её и подкинула в воздух. Лугового и нескольких бойцов выбросило за борт. Машина, кувыркнувшись, легла на бок и загорелась; политрук, водитель и большинство находившихся в кузове пограничников погибли.

В ушах стоял страшный звон, перед глазами все плыло, голова разламывалась на тысячу осколков. Сначала Юрию показалось, что он уже мёртв. Каска от удара головой об землю рас- секла ему лоб, кровь заливала глаза, а тело совершенно его не слушалось. Сначала он даже не мог определить: ранен ли он и все ли конечности на месте. Рядом кто-то кричал и звал на помощь, но Луговой не мог пошевелиться, все его тело больше его не слушалось. Вскоре про- гремел взрыв, взорвалась горящая машина. В голове начало мутнеть, и Юрий потерял созна- ние.

Тем временем на границе уже шли ожесточенные бои. Румынские и немецкие штурмовые подразделения под прикрытием артиллерийского огня, бившего по позициям пограничников прямой наводкой, начали форсирование реки Прут.

Советские пограничники яростно отражали вражеские атаки прицельным пулеметным огнём. Было уничтожено около 10 надувных лодок с румынскими солдатами, заранее заготов- ленных для переправы.

Германское командование рассчитывало молниеносно, в течение получаса захватить все пограничные комендатуры, передовые рубежи пограничников и овладеть переправами через Прут. На участке фронта от Леово до Готешты, обороняемом 9-ой кавалерийской дивизией, противнику удалось потеснить наши части и выбить их с обороняемых рубежей.

Из телефонного донесения командующего приграничными войсками Молдавского округа генерал-майора Никольского, 22-го июня 1941 года, 4 часа 15 минут, город Кишинев: *«Начался обстрел из ручных пулеметов с румынской стороны 5-й заставы Бельцкого погранотряда. 3-я застава Бельцкого погранотряда подверглась нападению. С Бельцким погранотрядом связь порвана. 11-я и 12-я заставы Кагульского погранотряда подверглись обстрелу с румынской стороны огнем ручных пулеметов...»*

В первых боях на Румыно-Молдавской границе, советские пограничники Молдавского округа оказывали яростное сопротивление. Противник по 3–4 раза пытался перейти границу, но общими усилиями пограничников снова отбрасывался на территорию Румынии. Благо- даря разведке, войска Одесского округа своевременно были приведены в боевую готовность и заняли оборонительные рубежи на границе, что не позволило немецко-румынским войскам достигнуть внезапности нападения. В этом была заслуга генерала Захарова, который вопреки поступившему приказу № 1 не отвел войска от границы и не вывел из населенных пунктов, а встретил агрессора в соответствии с планом прикрытия границы.

* * *

3 часа 45 минут.

Река Прут.

Участок государственной границы в районе Фэлчиу.

Артобстрел продолжался уже около двадцати минут. Задача стояла предельно ясная: не допустить прорыва румынских частей через мост. Пограничники заметили, что против них воюют именно румыны, немецких солдат среди них не было.

Старшина Семенов успешно вел огонь из своего пулемета по наступающему врагу, руку набил ещё с Финской. Благодаря румынским лазутчикам, задержанным советскими пограничниками, удалось узнать о готовящемся вторжении немецко-румынских войск на территорию Молдавской ССР. Лазутчики, в большинстве состоящие из местных жителей, охотно делились всеми сведениями. Они были против войны, некоторые симпатизировали Советскому Союзу и понимали, что немецкая верхушка просто использует их. И в этом они были правы, немцы не доверяли румынским солдатам, считая их трусами и не способными вести крупномасштабную войну. Благодаря действиям советской разведки и сведениям задержанных, немецкое «молниеносное внезапное вторжение» перестало таковым быть – пограничники Молдавского округа оказались готовы к встрече с врагом.

Над головой то и дело проносились немецкие самолёты, в ушах стоял страшный вой. Вместе с ним на позиции находились двое солдат и радист, а из комендатуры к ним уже спешило подкрепление, нужно было только продержаться. Андрей предполагал, что на его долю выпадет ещё одна война, но не мог и подумать, что вот так, сразу. Моментально. Противник пытался прорваться в предмостовую зону и захватить позиции погранотряда Семенова, но умелые действия старшины не давали румынам пройти по мосту.

А в небе в это время разгорелось воздушное сражение. Вылетевшие по тревоге советские лёгкие истребители «И-16» и «Чайки» отражали атаки немецких и румынских бомбардировщиков. Но немецкие самолёты были на порядок лучше наших уже устаревших бипланов. Огонь бортовых стрелков пробил двигатель одного «Ишака». Самолёт задымился, но не смотря на повреждения пилот продолжил воздушный бой, атакуя снова и снова вражеский «Юнкерс». Вскоре «И-16» запылал, и пилот начал уводить горящую машину в сторону аэродрома. Семенов поднял голову вверх, фанерный «Ишак» полыхал, как факел.

«Браток, не дотянешь ведь, ох, не дотянешь, прыгай, ну же, прыгай!» – мысленно взмолился старшина, но пилот так и не выпрыгнул из горящей машины, видимо потерял сознание.

Самолёт отлетел от реки, исчез за лесополосой. Вскоре старшина услышал взрыв, столб чёрного дыма взвился к небу над местом гибели пилота.

– Сволочи! А ну подходи по одному, я вас рядом разложу! – выкрикивал Андрей, ведя огонь из «Дегтярева».

Румыны приостановили наступление и открыли подавляющий огонь по позиции старшины, старый солдат пригнулся за насыпью. Один пограничник уже был мёртв, в каске красовалось аккуратное круглое отверстие, ещё двое отстреливались из винтовок от засевших в центре моста румын.

– Егор, не переставай вызывать комендатуру! – приказал старшина радисту, – нам нужно подкрепление, иначе не продержимся!

– Не отвечает комендатура, товарищ старшина, не отвечает! – перекрикивая канонаду, ответил пограничник.

– Вызывай! – коротко крикнул старшина и снова взялся за пулемет.

Патроны уже начали иссякать.

Совместно с пограничниками, участок госграницы в районе Фэлчиу оборонял один полк кавалерии. Кавалеристы отбивали атаки румын, пытавшихся форсировать Прут на лодках, но вскоре под натиском вражеской артиллерии, прижавшей кавалеристов к земле, противник начал прорывать оборону советских бойцов.

Подкрепление к Семёнову так и не подходило, дважды раненый в руку и предплечье старшина продолжал вести огонь из пулемета по наступавшим румынам, не давая им захватить второй мост. Уже несколько раз враг поднимался в атаку, но все его атаки захлебнулись благодаря меткому советскому пулеметчику и его бойцам. Молодые пограничники, израсходовав почти весь боекомплект, начали готовиться к штыковой схватке. Из всего, что у ребят пока было в достатке – это только ручные гранаты.

У Андрея закончился диск, старшина отложил пулемет и устало прислонился спиной к брустверу.

«Ну, вот и все, – подумал Андрей, – отвоевал своё старшина Семенов. А ведь, сколько я уже в строю-то? Сначала гражданская, потом Хасан, Финская. Да-а, успел повоевать, навоевался даже. А этих вот сопляков жалко ведь, погибнут вместе со мной. Молодые ещё, кровь горит».

Нет. Старшина решил, что не даст своим солдатам так просто и бессмысленно погибнуть. Андрей достал последний диск, пристегнул его к пулемёту и оглядел бойцов. Лица грязные, напуганные, но стараются этого не показывать. Молодцы, ребятки, ведь храбр не тот, кто не боится, а тот, кто взглянул страху в глаза и сумел подавить его. Эти слова сказал Семенову его бывший командир, когда старшина оказался в своем первом бою против войск Деникина.

Андрей истекал кровью, бинты, которыми старшину перевязал прибежавший кавалерийский санинструктор Лешка Босов, уже давно пропитались кровью и прилипли к ранам. Сержант Босов – очень храбрый парень, под интенсивным обстрелом артиллерии и румынской пехоты, Леша ползком излазил всю передовую, оказывая помощь раненым бойцам, выносил их с поля боя. В свободное время Алексей принимал активное участие в отражении атак, после гибели пулемётчика он сам занял его место, обучившись на месте обращению с пулеметом, и вел огонь по наступающему врагу.

Корчась от боли, старшина взглянул на свою рану. Что уж тут думать, Андрей понимал, что уже не уйдёт со своего поста. Подкрепления все нет, а счет уже пошел на секунды. Нет, он не даст им погибнуть, он этого не допустит. Он может спасти хотя бы эти три, совсем юные, жизни.

– Егор, – прохрипел Семенов, – что с подкреплением?

– Молчат, товарищ старшина, – подавлено ответил радист.

Андрей приподнялся и осторожно выглянул за бруствер. Румыны на несколько минут приостановили обстрел пограничников. Старшина снова прислонился к брустверу и обвел взглядом бойцов.

– Значит так, ребятки, – начал Андрей, – слушай мой приказ: Ефимов, берешь рацию и отступаешь к комендатуре, Рудко и Ермолов за ним, следите, чтоб рация уцелела.

– А вы, товарищ старшина? – непонимающе уставился на Андрея рослый украинец Мыкола Рудко.

– Я останусь, прикрою вас... Значит так, все гранаты оставляйте мне и тихо, как мыши, ползком, и не поднимая задниц, отползайте в сторону перелеска, а оттуда бегом до комендатуры, и узнайте, что с подкреплением!

– Мы вас не бросим, – сразу ответил Ермолов, – заберем с собой!

– Так точно, товарищ старшина, – поддержал радист, – вы увидите с нами.

– Глупые, ну куда же я уйду, а границу кто защищать будет? – улыбнулся старшина. – Я дожусь вас тут с подкреплением, ни одна падла мимо меня не пройдет. Не переживайте, все со мной будет нормально.

– Нет, старшина, так не пойдет, вас же убьют тут одного, – возразил Рудко.

– А ты меня не хорони раньше времени, Мыкола, не хорони. Будь уверен, старшина Семенов вас ещё погоняет, – Андрей улыбнулся и погрозил бойцам кулаком.

Ребята улыбнулись в ответ, но уходить никто из них не хотел, бойцы понимали, что видят старшину живым в последний раз. Семенов обнял бойцов и грозно приказал им выдвигаться. Пограничники, взяв винтовки, по-пластунски начали отползать от своей позиции. Старшина остался в одиночестве, привстал и посмотрел в сторону моста. Румыны снова зашевелились, Андрей заметил, что они начали перегруппировываться.

Семенов проверил диск, дослал патрон в патронник и в последний раз оглянулся посмотреть, ушли ли его ребята. Их фигуры мелькали уже вдали у самого перелеска.

Старый солдат улыбнулся, ушли ребята, ушли.

– Живите, ребятки мои, живите, братишки, и не кидайтесь на дурную башку в каждую битву... живите и помните старшину Семенова...

Андрей снова встал к пулемёту, противник начал новую атаку, вражеские пули пролетали совсем рядом с макушкой старшины, а Андрей выжидал, гранаты уже были приготовлены.

Заработала вражеская артиллерия, снаряды сыпались совсем рядом с позицией пограничника, а враг под прикрытием артиллерии пошёл в наступление.

– Ну давайте, паскуды, давайте. Вы так рветесь на мою Родину? Ну так подходи, дурачье, тут вы все и останетесь. Добро пожаловать, господа!

Первая граната взметнулась в воздух и устремилась в румын.

Егор оглянулся. Там, где двадцать минут назад оставался Семенов, гремели взрывы, пулеметный огонь «Дегтярева» уже пять минут как молчал. Остальные бойцы остановились и смотрели в сторону моста. Там все было в дыму, но все же можно было различить передвижение множества фигур в рогатых пилотках.

Так один мост через реку Прут в районе Фэлчиу был взят румынскими войсками с большими для них потерями. Но мы были уверены в одном, что взят он ненадолго.

«Спасибо вам, товарищ старшина... Мы не подведем вас, даем вам слово. Прощай, Андрей Валентинович, и спасибо тебе.» – думал Рудко, отдаляясь от моста все дальше и дальше.

Оставшиеся солдаты погранотряда бегом устремились к комендатуре.

Глава 3. На провокации не поддаваться?

22 июня 1941 года.

5 часов 45 минут.

В четырех километрах от государственной границы.

Трудно привести соотношение сил первого дня боевых действий, но показательным является факт, что на один километр фронта приходилось пять советских пограничников, которым в среднем противостояла рота противника. Но, не смотря на огромное численное превосходство, пограничники стойко удерживали свои рубежи снова и снова отбрасывая его на территорию Румынии.

Из донесения начальника погранвойск Молдавского округа, город Кишинев. 22 июня 1941 года, 9 часов 15 минут.

Липканский погранотряд: на участках 1-й и 2-й застав до четырёх взводов противника (немцы) переправились через границу. Заставы вступили в бой: 3,4 и 5-я заставы обстреливаются противником редким артиллерийским огнём. Связь с поддержками Красной Армии установлена. Помещение 14-й заставы разрушено артогнем. Отмечено скопление пехоты против сел Венишоара и Лопатник (участки 14-й и 15-й застав) – до двух батальонов.

Бельцкий погранотряд: заставы 1, 2, 3 и 5-я обороняют свои участки, ведут перестрелку с противником. На участке 4-й заставы до двух рот противника переправились через границу и окружили 4-ю заставу, застава ведет бой с противником в районе Мунтяны (участок 11-й заставы). До взвода противника нарушили границу. Авиация противника бомбила и обстреливала Бадраджи (1-я застава), м. Скулень (20-я застава), приняты меры для поддержки 4-й заставы и уничтожения противника на участке 11-й заставы. Во время воздушного боя над Бельцами нашей авиацией сбито два неприятельских самолета.

Каларашский погранотряд: в 5.10, 22 июня 1941 г. 7 истребителей нарушили границу в районе Унгены – Тырг, углубившись на нашу территорию на 3 км. Возвратились обратно в 5.30. 10 двухмоторных бомбардировщиков нарушили границу в районе с. Немчень (11-я застава), курсом на восток скрылись в нашем тылу. В 5.45 штаб погранотряда в Калараше подвергся бомбардировке одним самолетом. Ранен один красноармеец, убито пять местных жителей. В 7.15 участки 6, 7 и 8-й застав обстреливаются ружейно-пулеметным огнем противника. Против участка 4-й заставы румыны готовят плоты для спуска на реку Прут.

Кагульский погранотряд: в 6.40 подверглись артиллерийскому обстрелу Цыганка, Фламында, Готешты. 10-я застава: в 6.55 через мост из Фэлчиу перешло на нашу сторону около взвода противника. 5-я застава с последним ведет бой. В 7.00 вновь подвергся артиллерийскому обстрелу г. Кагул. В центре города упало два снаряда. В 7.00 противник начал обходить помещение 5-й заставы. Застава перешла на огневые позиции...

* * *

22 июня 1941 года,

Участок 5-й заставы Кагульского погранотряда.

6 часов 40 минут.

После начала боевых действий на границе 5-я застава Кагульского погранотряда, получив приказ о недопущении прорыва румынских войск через Прут в районе города Кагул, заняла оборону возле деревянного моста через реку. Пулемётное отделение под командованием младшего сержанта Ивана Бузыцкого, отважно отражала вражеские атаки, не давая румынам прорваться через мост. Сержант первым принял бой, в котором уничтожил свыше 40 вражеских солдат. Командование заставой принял старший лейтенант Александр Константинов...

В голове неприятно гудело, было трудно дышать, на зубах скрипел песок. Юрий попытался пошевелиться – не получилось. Глаза были залиты кровью, на лбу сильно болела рана, полученная при ударе каской о землю. Вокруг стоял запах гари и паленой человеческой плоти. Луговой снова попробовал пошевелиться и понял, что лежит под двумя убитыми бойцами. После невероятных усилий контуженному пограничнику удалось сбросить тела погибших товарищей и вылезти из канавы, в которую их выбросило из полуторки при взрыве. Он приподнялся и аккуратно встал на ноги, сильно голова кружилась, а ноги подкашивались и еле держали бойца.

Он осмотрелся. Кругом, как показалось, лежали одни трупы, неужели повезло только ему? Луговой вытер лицо рукавом, кровь на лбу уже запеклась, а рана покрылась коркой, голова потихоньку начала проясняться. Где-то вдалеке гремели взрывы, велась интенсивная стрельба. Неужели это происходит по всей границе или только на отдельном её участке? Но два сгоревших грузовика и тела его товарищей, разбросанные вокруг, сразу дали Луговому ответ на его вопрос. Вдруг один из лежащих бойцов зашевелился, Юра, увидев его, сразу кинулся на помощь, подбежав к раненому и перевернув того на спину, он узнал в нем своего друга Сокола.

– Сашка! – обрадовался Луговой, – живой! Ну, слава богу! Ты ранен? А ну-ка, пошевели ногами!

– Юрка, это ты?!

Соколов был контужен, а нога ниже колена разворочена. Весь сапог был изодран, других видимых повреждений Юрий не обнаружил.

– Я, браток, я, не дергайся пока, приходи в себя, я осмотрю остальных.

Луговой подобрал лежащий неподалёку вещевой мешок и аккуратно положил его под голову раненого друга. Звон в ушах почти прошел, но рана на лбу продолжала ныть, пограничник подобрал с земли винтовку и повесил ее за спину. Свой пулемет отыскать он так и не смог.

Вдруг лежащий на земле Соколов истонно заорал. Юра обернулся и увидел, как его друг держится за покалеченную ногу. Шок отпустил его и пограничник почувствовал резкую боль.

– Потерпи, Саня, я сейчас!

Луговой подошёл к первому телу. Погибший лежал на боку, земля под ним пропиталась кровью, а на голове зияла страшная рана – половины головы попросту не было. От увиденного Юрия, который все ещё пребывал в состоянии шока, чуть не вывернуло наизнанку. В глазах моментально помутнело, сержанту стоило невероятных усилий, чтобы унять рвотные позывы. Когда Луговой осматривал следующего бойца, который тоже оказался мертвым, неподалёку из кустов послышался стон. Кто-то еще выжил? Прислушавшись и снова услышав приглушенный стон, Юра двинулся на звук, ломая ветки вокруг. Пробравшись сквозь заросли, он увидел Суханова, солдата, служившего в другом отделении. При взрыве его отбросило от машины дальше всех, и приземлился парень прямо в заросли, поэтому серьезных повреждений почти не получил. Если не считать удар головой об рядом стоящее дерево. Иван сидел на коленях и держался рукой за ушибленную голову, а в другой руке была винтовка, которую он не выпустил из рук даже в полёте.

– Суханов, ты что ли?! Ну, слава богу, ещё один живой! – воскликнул Юра, вломившись через заросли.

– Тьфу, Луговой, ты меня напугал до чертиков! – воскликнул Иван, опуская винтовку.

– Да я это, – успокоил товарища Юра, – что тут у тебя?

– Да вот, головой приложился, а так цел вроде бы.

– Ну, ничего, голова пройдет, биться там в ней все равно нечему.

– Нашёл ты время шутки шутить! – злобно ответил Суханов.

– Ладно, вставай, там Сокол ждет, – Луговой помог товарищу подняться.

– Что с нашими?

– Нет больше наших. Только мы трое и остались.

– Господи, что же это происходит?

– Война, Ваня... война – выводя товарища на дорогу, ответил Юрий.

Выйдя на дорогу, Суханов осмотрел место взрыва, зрелище было ужасающим, ничего подобного Ивану видеть никогда не доводилось.

Луговой взглянул на него и спросил:

– Значит, говоришь, «санитарный самолёт»...

Иван не ответил. Увиденное шокировало его. Неподаляку дымилась машина, в которой они выехали из комендатуры совсем недавно, а его товарищи лежали мёртвые с оторванными руками и ногами, в лужах крови.

К раненому Соколову доковыляли, молча. Юра усадил Суханова рядом с другом, а сам принялся обыскивать мешки в поисках бинтов для Александра. Не найдя таковых, но вспомнив, что Нечипоренко всегда тайком носил с собой маленькую фляжку со спиртом, пограничник принялся искать его. И наконец, проверив каждого, Юре все же удалось найти то, что он искал. Вернувшись к остальным, Луговой отправил Ивана собирать все оружие и боеприпасы, разбросанные на месте взрыва, а сам, достав штык-нож, принялся разрезать правый сапог на ноге раненого Сокола. Срезав изорванную осколками часть сапога, он увидел, что в ноге застряли несколько крупных осколков.

– Ну, чего там? – взволнованно спросил Соколов.

– Успокойся, нормально тут все, всего лишь маленький осколочек застрял, сейчас вытащим.

Раненый попытался приподняться и взглянуть на свои увечья, но Юра быстро уложил его обратно.

– На вот, – Луговой, достал фляжку, – глотни для обезболивающего действия.

– Господи... и Дима тоже? – покосившись на знакомую фляжку, спросил Соколов.

– Да, – кивнул Луговой, – половина туловища и левая рука от него осталась.

– Боже мой, – отхлебнув из горлышка, ужаснулся раненый, – быть того не может, Юра!

Ну не может этого быть!

Луговой покосился на скривившегося от боли друга. Сняв с себя гимнастерку, он принялся разрезать штык-ножом свое нательное белье на узкие лоскуты. За неимением чистых бинтов – сойдет и это.

– Ты чего это задумал?

– Ногу тебе хочу сохранить!

Нарезав несколько лоскутов и отложив их в свою фуражку, он взял штык-нож и полил на него спиртом из фляжки, после чего налил на рану. Раненый вскрикнул, но рану нужно было обеззаразить, иначе могло возникнуть заражение, гангрена и смерть.

– Ты что делаешь?! – взвыл от боли Соколов, – совсем сдурел?!

– Успокойся, если я не достану осколки, у тебя рана загниет, – ответил Юра, извлекая из ноги металлический фрагмент авиабомбы, – танцевать как потом будешь?

– Ты мне до смерти будешь это вспоминать?! – взвыл Александр.

Ему было дико больно, на глазах проступили слёзы, но раненый пограничник, стиснув зубы и тихо постанывая, стал ждать, когда Луговой закончит обрабатывать его ногу.

Достав два крупных осколка, Юрий ещё раз полил на рану из фляжки, раненый вскрикнул и дернулся.

– Готово, Сашок, теперь, надеюсь, все будет в порядке!

Юрий начал заматывать ногу нарезанными повязками.

– Спасибо, – поблагодарил друга пограничник, – чёрт, как же больно.

Юрий улыбнулся и похлопал парня по плечу.

– До свадьбы заживет!

– Дожить бы до свадьбы этой.

– Даст Бог, доживем.

Луговой отхлебнул остатки спирта и вытер рукавом взмокшее лицо.

– Тьфу, – поморщился он, – как вы эту гадость пьете?

– Ничего-то ты не понимаешь, Юрок, – попытался улыбнуться друг, но от боли это стало похоже на гримасу, – ладно, надо решать, что делать дальше, не сидеть же нам тут вечно.

Юрий прислушался. На границе в той стороне, где находилась 5-я застава, доносилась стрельба и редкие взрывы, значит, застава обороняется, и врагу пока не удалось перейти границу.

Вдруг со стороны Кагула послышался вой самолетов.

– Воздух!!! Ложись!!! – тут же скомандовал сержант, бросился к раненому и потащил его за уничтоженную полуторку. Иван, насобирав уже с десятков винтовок и набив полные карманы обоймами, возвращаясь к ребятам, тут же бросил оружие и кинулся на землю. Два румынских пикирующих бомбардировщика, прогудели над головами пограничников и ушли в сторону Румынии. Один из «Юнкерсов» дымился, значит, наши успели им всыпать.

Когда гул стих, ребята осторожно встали из-за укрытия. Луговой подошёл к убитому пограничнику, снял с его пояса подсумки для винтовочных обойм и повесил на свой. Иван, молча, стоял и смотрел в сторону Прута, а Саня сидел, прислонившись к сторевавшей кабине, и держался за раненую ногу. Суханов обернулся и, не спеша, двинулся к Луговому, осторожно перешагивая тела убитых товарищей.

– Что делать будем, сержант? – спросил он.

– Что будем делать... – повторил Луговой и повернулся лицом к товарищу, – мы идём на заставу.

– На какую заставу?! Нас трое, Юрок, трое осталось! К тому же Соколов раненый, что мы можем сделать?!

Сержант, молча, снял с плеча винтовку Мосина и бросил её в Ивана, тот машинально поймал её и непонимающе уставился на Лугового.

– Что мы можем? Мы можем держать в руках оружие, ты точно можешь, мы оба в этом только что убедились. Ещё что-то разъяснить или ты уже все понял?!

Юрий схватил Суханова за воротник и развернул в ту сторону, откуда доносилась канонада.

– Послушай! Слышишь? – Юра указал рукой в сторону заставы. – Там бой идёт, наши гибнут, им помощь нужна...

– Да оглянись, сержант, какая помощь? Вот она помощь, вся лежит по частям раскидана! – вдруг закричал Иван.

– Пока жив ты, пока жив я и он – мы являемся той помощью, которая сейчас нашим ребятам. У нас есть приказ...

– У нас был приказ! – перебил Юрия Суханов.

Но договорить все, что он собирался не успел, получив от Лугового удар в челюсть. Боец упал на землю и сплюнув кровь злобно уставился на сержанта.

– Ну что, сука, легче стало?!

– А ну встать!!! – вдруг закричал Луговой.

Иван медленно поднялся и уставился на сержанта.

– А теперь слушайте сюда оба! – начал Юрий. – Как старший по званию принимаю командование на себя! У нас есть приказ, мы должны оказать помощь в обороне государственной границы СССР на участке 5-й заставы! И потери, которые мы понесли, этого приказа не отменяют!

Юрий подошел к Ивану и положил ладонь ему на плечо:

– Я понимаю, что тебе страшно, Ваня, и мне страшно, и ему, – Луговой указал на раннего друга, – страшно, и ребятам на заставе тоже страшно, но они сражаются! Понимаешь? Дерутся, тридцать ребят против роты, а может и больше. Но мы должны, понимаешь, должны. Мы же пограничники, за нами Родина, дом, семья, мама, папа, у тебя ведь есть мама, Вань?

– Конечно, есть, – ответил уже спокойнее Суханов.

– Ну вот, – Юрий положил руку на плечо товарищу, – и у меня есть и у него есть, и у них тоже есть. И если сегодня мы с тобой здесь и сейчас не удержим их, струсим и повернем назад, то завтра враг будет на пороге твоего дома, моего или Сашкиного. И он будет убивать наших матерей. Ты хочешь этого?

– Нет.

– Ты хочешь этого?!

– Нет!!!

– Тогда перестань сопли жевать, бери винтовку, патроны, сколько сможешь, берём Сокола и на подмогу к парням на заставе!

– Есть, товарищ младший сержант! – ответил Иван и начал набивать карманы патронами. А Луговой тем временем подошёл к раненому другу и сел рядом с ним.

– Нормально ты его вразумил, – похвалил Александр, – даже я духом воспрянул.

– Воспрянул он, положение-то правда хреновое. Вот как мы с тобой пойдём, тут путь-то неблизкий.

– И что ты предлагаешь, бросить их там и тут посидеть?

– Сейчас и тебе в бубен дам за такие слова.

– Ну, вот и не нагнетай тогда! Слышишь, стреляют – значит, живы парни, а раз живы – значит, защищаются, раз защищаются, то нам там самое место.

– Да как ты воевать-то собрался, подранок?

– Мне не руки покалечило, а ногу, стрелять я в состоянии, положишь меня куда-нибудь в неприметное место, а я их оттуда, как семечки, пощелкаю.

– Пощелкает он, – передразнил Юра, снял фуражку и потер лицо.

На его плечи теперь легла ответственность за эти две жизни, и он думал, как сохранить их.

– Сержант, кто-то идёт! – вдруг крикнул из-за перевернутой полуторки Суханов.

Соколов и Юра переглянулись, сержант дал раненому винтовку, а сам, пригнувшись, побежал к Ивану. Тот сидел, спрятавшись, за вторым грузовиком и выцеливал из винтовки людей, которые приближались к ребятам. Сержант взял винтовку, которую бросил Иван, и осторожно выглянул из-за укрытия. К ним приближались четверо человек. Поскольку люди находились ещё далеко, Луговой не мог рассмотреть, кто же к ним шёл.

– Немцы? Или румыны?

Юрий всматривался вдаль, то, что это были солдаты, сразу стало ясно, шли с оружием навскидку, но рассмотреть, кто именно, с такого расстояния было сложно.

– Возможно, они идут со стороны моста, там наш пограничный пост был. А ну прячьтесь, сейчас узнаем, кто это пожаловал.

– Может, кто-то из наших?

– Возможно, – кивнул Юра, – эх, неужели они все – таки прорвались...

* * *

Солнце уже начинало припекать. Солдаты шли, молча, каждый думал о своём. Время даже не успело перевалить за десять утра, а ощущение было такое, как будто прошли уже целые сутки. За то время, что пограничники шли по знакомой дороге, им не встретился никто из своих, лишь вдалеке, там, где находился аэродром, стояли столбы чёрного дыма. Немецкая авиация в первую очередь нанесла удары по аэродромам и комендатурам, также обстрелу подвергся сам Кагул. Патронов после боя на мосту у ребят совсем не осталось, если им встретится противник, защищаться придётся штыками и кулаками. Но пограничники надеялись, что так случиться не может, и румыны не смогли пробраться так далеко на нашу территорию. Где-то в стороне шёл бой, значит, наши ещё сражаются, необходимо, как можно скорее, добраться до них, впереди должна находиться 5-я застава Кагульского погранотряда.

Вдруг вдали показалась искореженная взрывом полуторка, а недалеко впереди лежала ещё одна. Бойцы присели и начали осматриваться.

– А вот и наши подкрепления.

– Да, похоже на то, не дождались мы его, потому что ждать было некого, все тут легли.

– Да нет, мне кажется, это не наше, это дорога ведёт на 5-ую заставу, а наша в другой стороне, – ответил солдат, на спине которого висела рация.

– Теперь это уже не имеет никакого значения, что к нам, что к ним ребята уже не доедут, – расстроено сказал первый пограничник, – жалко парней.

– Пойдём, проверим, Мыкола, может, кто-то ещё жив.

– Авиация постаралась, вряд ли кто уцелел.

– Пошли, проверим, лишним не будет, может хоть патроны у ребят... одолжим.

Бойцы встали и аккуратно начали подходить к машинам. Вокруг лежало много тел, все мертвы, это очевидно, лица ребятам были незнакомы, значит, они действительно на 5-ую заставу ехали.

– Стой! Кто идёт! – вдруг грозно раздалось из-за машины.

– Не стреляйте, братцы! Мы свои, с 10-й заставы у железнодорожного моста, – прокричал боец с рацией.

– Кто такие, назовись? – снова раздалось из-за полуторки.

– Ефрейтор Рудко, рядовые Ермолов и Бондарев, командир, старшина Семенов, погиб на мосту, нас прикрывал, следуем в расположение комендатуры за подкреплением!

Из-за уничтоженной полуторки вышел высокий пограничник в звании младшего сержанта и нацелил винтовку в незнакомцев. Форма в грязи, лицо в крови и копоти, на лбу глубокая рана. Следом за ним вышел и второй, чуть пониже ростом, но такой же грязный.

– Похоже, что мы и были вашим подкреплением, мужики, – сказал младший сержант, – я Юра Луговой, – а это Иван Суханов, там у нас раненый ещё, Соколов.

– Соколов? Уж не Сашка ли? – спросил Рудко.

– Да, он, – кивнул сержант, – знакомы?

– А то как же, зимой в госпитале с ангиной вместе прохлаждались, – обрадовался Мыкола, – живой значит.

Юра проводил парней к другу. Тот сразу узнал старого знакомого и обрадовался. Пограничники рассказали, как начался обстрел их позиций на предмостовой полосе в половине четвёртого утра, как полтора часа румыны пытались прорваться через мост, но благодаря погиб-

шему старшине Семёнову каждая их атака заканчивалась все новыми для него потерями, как погиб их товарищ и как старшина приказал им убираться оттуда, когда закончились патроны и стало ясно, что подкрепления уже не будет, а если и будет, то они уже все будут лежать мертвыми, о том, что Андрей Валентинович спас им жизни.

Юра и ребята внимательно слушали все, что говорил Егор, было заметно, что парень сильно переживал, рассказывая об этом, особенно о гибели Семенова. Луговой, в свою очередь, рассказал все, что было с ними, про то, как выехали на подмогу, про самолёт, обстрелявший вторую машину и скинувший бомбу на первую, и о том, как им, троим, удалось уцелеть не иначе как чудом. Прошло около двадцати минут после прихода отряда Рудко, ребята успели немного отдохнуть после дороги и набраться сил для нового броска.

– Ну что, мужики, хватит нам тут задницы мять, там наши товарищи гибнут, нужно отправляться на подмогу. Мыкола поднимай своих орлов, – Юрий был уже готов, винтовка висела за плечами, на поясе – подсумки с боеприпасами, за ним – две гранаты.

– Понял, товарищ сержант. Вставай, хлопцы, хватит прохлаждаться! – Рудко взял винтовку и первым двинулся в направлении заставы, за ним зашагали остальные. Луговой помог встать раненому другу и, придерживая его, двинулся следом. Замыкал колонну Иван Суханов, на лице которого не осталось и следа от его недавней истерики.

Глава 4. Застава «Кагул»

22 июня 1941 года

Участок 5-й заставы Кагульского погранотряда.

5 часов 45 минут.

- Обходят нас, Саня, с обоих флангов обходят!
- Да вижу я! Бузыцков, крой левый фланг, Савельев – ты с права!
- Есть!

Бой на заставе продолжался уже около двух часов. В 7:00 артиллерия противника ударила по городу Кагул, а пехота противника перешла в массированное наступление. На пути румынских штурмовых подразделений встала 5-я застава Кагульского погранотряда. По огневым позициям заставы противник ударил сильным артиллерийским огнём. Советские пограничники яростно отбивали атаки противника, отбрасывая его на противоположный берег Прута. После многочисленных попыток прорваться через мост и взять штурмом позиции погранцов, румыны начали обходить их, а артиллерия ударила по бойцам прямой наводкой.

Положение начинало становиться критическим, один пограничник был убит, четверо ранены, противник занял один блокгауз и вел огонь по соседним зданиям. Командир заставы старший лейтенант Константинов понимал, что, если срочно не предпринять активных действий, застава может погибнуть.

Тем временем сводная группа пограничников под руководством младшего сержанта Лугового уже подобралась к заставе.

– Так, мужики, кажется, прибыли, – сказал Юра, опуская раненого на землю, – ты сиди пока здесь, а мы пойдём там разберемся, что к чему и сразу за тобой.

– Ага, сейчас разбежался, – возмутился Александр, – ты, значит, воевать пойдешь, а я тут отсиживайся, а вот хрен вам на рыло, – раненый показал другу шиш. – А ну, отдай мне оружие и поставь на ноги, я с вами сволочей мочить пойду!

– Угомонись, мочила, – выругался Юра, – мы разведем и придем за тобой, успеешь повоевать ещё.

– Вы долго собачиться будете, а? – вклинился в спор Мыкола, – пошли уже.

– Идем, – Юра поднялся и шагнул следом за Рудко.

Пограничники аккуратно двигались вдоль бетонной стены помещения заставы, изнутри раздавались выстрелы, но кто именно был в помещении: наши или румыны, было непонятно. Рудко, идущий впереди, остановился возле угла здания и аккуратно выглянул.

– Ну чего там, Мыкола?

– Да непонятно пока, из блокгауза огонь вижу, из соседнего тоже, но где-кто, не различаю.

– Так, будь тут и прикрой меня, если что, – Юра обошел Рудко и, прижавшись к стене, двинулся вперёд.

– Эй, ты куда, подстрелят же! – забеспокоился Мыкола.

– А ты на что? Следи, чтоб не подстрелили...

Но не успел Луговой отойти и на два шага, как случилась первая неожиданность.

Со второго этажа здания на ефрейтора выпрыгнул человек в зеленом маскхалате, повалил его на землю и приставил к горлу нож. Юрий резко развернулся и нацелился в незнакомца.

– А ну, стой смирно и не дергайся, вражина, не то мы посмотрим, какого цвета кровь у твоего дружка! – Злобно, сквозь зубы, процедил незнакомец. – Кто такие? Быстро отвечай!

Юрий сразу понял, кто перед ним, и опустил оружие.

– Свои, браток, подмога.

– Ефрейтор Рудко... 10-я застава, – прохрипел Мыкола.

Пограничник 5-ой заставы ослабил хватку и слез с ошалевшего Рудко.

– Ну, вы даёте, мужики, нельзя же так подкрадываться, – незнакомец откинул капюшон, на голове возникла зелёная фуражка пограничника.

– А ты что же, не видишь, что форма у нас на румынскую или немецкую уж явно не похожа? – спросил сержант и протянул пограничнику руку, – младший сержант Юрий Луговой. Незнакомец пожал руку и помог подняться ефрейтору.

– Младший сержант Владимир Михальков, – представился пограничник, – нужно было убедиться, немецкие диверсанты повадились в нашей форме подбираться к заставам и линии связи перерезать. На 12-ой группу таких гавриков хлопнули. Сначала думали, что своих застрелили по ошибке, полезли документы искать, а на них жетончики немецкие. Вот так-то.

– Ясно, будем иметь в виду.

– Вовремя вы, парни, подошли, нам тут как раз помощь нужна, надо румын из дальнего блокауза выбить, если ещё с той стороны зайдут, то все, пиши – пропало, падет застава.

– Понятно, ну командуй, Владимир, – ответил Луговой, – давай выбьем убудков.

– Отлично, идемте за мной, тут с другой стороны через подвал пройти можно.

Пограничники двинулись за Михальковым.

– Кстати, сколько вас?

– Семь, но один ранен, – ответил Юра.

– Ну что ж, семь уже кое-что, – и вдруг остановился, – а раненый хорошо стреляет?

– Глаз-алмаз, – кивнул Луговой.

– Превосходно, – улыбнулся Владимир, – у меня как раз снайперская винтовочка для него найдётся.

Окруженная румынами застава держала оборону уже около 4 часов. Было отбито несколько атак противника, после чего румыны окружили заставу, заняли предмостовые позиции, отрезали пулеметный дзот и прорвались в один блокауз. Артиллерия с сопредельной стороны вела постоянный обстрел 5-й заставы, у пограничников начал заканчиваться боезапас. Связь с комендатурами и частями Красной Армии была порвана, двое пограничников убиты. Старший лейтенант Константинов, понимая, что, если в ближайшие минуты не предпринять активных действий для ликвидации окружения, застава будет уничтожена, и румынские дивизии, заняв плацдарм на реке Прут, двинутся дальше. Какая обстановка творилась на соседних участках, лейтенант не знал из-за временного отсутствия связи.

– Беречь патроны! Стрелять прицельно! Ближе, ближе подпускайте! – командовал Константинов. Бойцы заняли оборону в помещении заставы и поливали противника прицельным винтовочным и пулеметным огнём. Земля вокруг заставы уже была усыпана множеством трупов, но командира радовал тот факт, что наших среди убитых было намного меньше. За время боя застава понесла потери в количестве четырёх убитых и шестерых раненых.

– Иван, прикрой меня, я в казарму к Бойко! Держись тут, сейчас вернусь.

– Есть, товарищ старший лейтенант!

Пулеметчик и вставил новый диск, передернул затвор и приготовился открыть прикрывающий огонь.

– Пошёл!!!

По блокаузу и занятому противником дзоту ударил подавляющий огонь, румыны залегли.

Константинов, пригнувшись, выпрыгнул через разлом в стене здания заставы и побежал к казарме. Там командовал отделением пограничников, державших оборону в казарме, старший политрук Бойко. Но не успел командир добежать до казармы считанных шагов, за ним разорвался артиллерийский снаряд. Константинов выронил из рук свой пистолет-пулемет и отлетел, ударившись об бетонную крошку разрушенной стены.

– Лейтенанта ранило!

Бойцы засуетились, двое пограничников вознамерились выбраться из помещения и затащить раненого командира обратно, но из казармы, куда спешил Константинов, вынырнул один из оборонявшихся там пограничников, схватил контуженного старлея и затащил его внутрь.

– Отставить, наши его забрали! – скомандовал Бузыцков.

Румыны после непродолжительной паузы снова поднялись в атаку с намерением захватить помещение казармы. Иван открыл по атакующим огонь из «Дегтярева», но в эту секунду из окон казармы посыпались гранаты. Прогремели несколько взрывов, противника разбросало в разные стороны, двое уцелевших начали отползать обратно к блокаузу, атака румын снова захлебнулась.

– Молодцы, братцы, молодцы, так держать! – подбадривал товарищей Бузыцков.

А в казарме тем временем, политрук Бойко пытался привести в чувство контуженного командира.

Константинов уже пришёл в себя, но звон в ушах уходит пока не собирался.

– Гена, – прохрипел старлей, – Гена, надо что-то решать, иначе все ляжем.

– Не волнуйся, командир, бойцы у нас геройские, держатся, – Бойко достал флягу с водой и дал командиру.

– Патроны кончаются, сомнут нас, контратаковать надо, – уже более внятным голосом сказал Константинов, – выбить их, ублюдков, с блокауза.

Политрук улыбнулся и кивнул, пока Александр командовал обороной в соседнем здании, Бойко послал троих бойцов во главе с сержантом Михальковым разобраться с румынами, засевшими на потерянном оборонительном рубеже пограничников. Но политрук не знал, что на заставу пробрались выжившие пограничники из уничтоженного резерва, так и не доехавшего до заставы, и присоединившиеся к ним уцелевшие бойцы соседней заставы.

Тем временем Михальков провёл Юрия и его бойцов в удобную позицию, за небольшим холмиком и разбомбленным складом, где можно было незаметно подползти к блокаузу. Там его дожидались ещё двое бойцов. В ответ на их удивленные лица Владимир рассказал, что привёл подкрепление, на которое «случайно наткнулся».

– Ага, случайно наткнулся он, – Рудко потер кадык, – как коршун сверху свалился и нож к горлу приставил, ни вам здравствуйте, ни как поживаете.

– Мыкола, я же извинился, – пожал плечами Михальков, – меры предосторожности, сам понимаешь.

– Меры у него, в следующий раз как наверну за такое, мало не покажется!

– Ты вон лучше им наверни, – рассмеялся Владимир и кивнул в сторону блокауза.

– Им тоже сейчас достанется, я им бошки с удовольствием поотворачиваю.

– Вот и славно, – таким настроением Владимир остался доволен и перевёл взгляд на раненого Соколова.

– Юра сказал, ты стрелок хороший?

– Так точно, – ответил Александр. – Так! Я хоть и подраненный, но тут отсиживаться не собираюсь! – опять начал было спорить раненый, но Луговой хлопнул его по плечу.

– Не будешь ты отсиживаться, Сашок, – успокоил друга Юра.

Михальков потянулся в заросли густого кустарника и выудил оттуда винтовку и ремень с подсумками для обойм.

– Это тебе подарок, будешь прикрывать нас, – в руках у Соколова оказался трофейный «КАР98» с оптическим прицелом и запасом патронов.

– Ничего себе, – обрадовался Александр, – вот это вещь, где взял?

– Где взял, там уже нет, – загадочно улыбнулся Владимир, – ну что, бойцы, готовы к подвигам?

Пограничники закивали.

– Юрок, значит план действий такой: мы с парнями незаметно подползаем к блокгаузу и закидываем его гранатами. Как только взорвется – поднимаешь своих и выбиваем оставшихся. А ты, орлиный глаз, следишь чтобы нам задницы не прострелили, – Михальков хлопнул раненого Сашку по козырьку фуражки. – Ребята на заставе нас поддержат огнём, и после взрывов будет контратака, надеюсь, они там все живы.

– Понял, Володя, ждем взрыва и идём в контратаку, – ответил Луговой.

– Ну, тогда с Богом.

Три бойца, приготовив гранаты, по-пластунски двинулись к румынам.

Соколов, взяв трофейную снайперскую винтовку, сразу скрылся из вида в ближайших зарослях. Вояка из него сейчас был неважный с изувеченной осколками ногой, а вот снайпер он отменный, на стрельбах лучшие показатели выдавал.

Тем временем старший лейтенант Константинов с бойцами отбили ещё одну атаку противника. Бойко рассказал командиру о том, что послал бойцов напасть на противника с фланга. Оставалось надеяться, что враги не успеют заметить Михалькова прежде, чем он подкрадется к блокгаузу. Константинов оставил политрука командовать в казарме, а сам, пригибаясь, побежал обратно к зданию, где оборонялись остальные бойцы. Забежав на второй этаж, где в это время Бузыцков выкашивал из «Дегтярева» ряды противника и собрав командиров отделений, лейтенант сообщил о предстоящей контратаке.

– Слушайте меня, бойцы, – начал Константинов, – сейчас наши товарищи подбираются к блокгаузу, как только он будет уничтожен, мы должны отбросить противника с территории заставы до самой границы. Всем готовиться к контратаке, штыки примкнуть! Бойцы разошлись обратно по своим отделениям и начали готовиться к контратаке.

Тем временем Михальков с бойцами уже был у блокгауза. Сквозь стрельбу и огненные вспышки сержант слышал румынскую речь и видел мелькавшие лица вражеских солдат.

– Ну, ребятки, не подведите.

– Гранаты к бою! – скомандовал сержант, и бойцы синхронно закинули вовнутрь огневой позиции три гранаты, следом полетели ещё две.

Раздались несколько оглушительных взрывов, из амбразур блокгауза вырвался пылевой вихрь. Как только выстрелы с блокгауза стихли вся застава поднялась в контратаку.

Из здания заставы первым выбежал Константинов и, ведя огонь из своего ППД, бросился в сторону румын. Следом за ним устремились остальные пограничники, сверкая штыками на утреннем июньском солнце. Через секунду отделение под командованием старшего политрука Бойко атаковало противника с правого фланга. Следом за ними в бой вступило отделение Лугового, блестяще подготовленные пограничники ворвались в ряды румынских солдат и сошлись с ними в рукопашной схватке. Противник, не ожидавший такой дерзкой контратаки от пограничников, начал спешно отступать к мосту.

Пограничные войска СССР относились к НКВД и были подконтрольны лично народному комиссару внутренних дел Лаврентию Павловичу Берия. Нарком следил за подготовкой и обучением пограничников, за снабжением погранотрядов самым лучшим и современным стрелковым оружием, таким как пистолет – пулемет Шпагина (ППШ-41) и самозарядная винтовка Токарева (СВТ-40), а также продовольствием. Но данные типы вооружения только начали поставляться в войска, и не все командиры застав успели укомплектовать ими свои отряды.

Как бы не обстояли дела с новым вооружением – выучка и подготовка советских пограничников была намного эффективнее румынских войск, и ворвавшиеся в ряды противника пограничники сейчас наглядно это продемонстрировали. После неудач в первых же сражениях на всех участках государственной границы СССР 22 июня 1941 разозленное командование

Вермахта издало негласный приказ: «Пограничников в плен не брать, расстреливать на месте». Настолько умело и яростно оказался отпор погранцов прославленной гитлеровской армии.

Схватка за 5-ю заставу продолжалась. Пограничникам удалось выбить противника с территории заставы. Неся серьезные потери, бойцы гнали румын к захваченному мосту.

Отделение Лугового сражалось храбро, даже Суханов, у которого утром после обстрела грузовиков случилась истерика, и Юре пришлось его успокаивать, убил нескольких вражеских солдат в штыковой схватке. Егор Бондарев, радист из заставы старшины Семёнова, отстреляв весь свой боезапас, бил румын саперной лопатой в одной руке и штыком от винтовки в другой.

Бойцы заставы не знали, что к ним подошло подкрепление с тыла, и чуть было не открыли огонь по выскочившему из-за угла заставы Луговому и его бойцам. Вовремя сообразив, что это свои, пограничники атаковали занятую врагом оборонительную позицию, успешно освободив её. Луговой, Михальков и Рудко ворвались в уничтоженный взрывом блокгауз и прицельным огнём добились уцелевших румынских солдат. Для Юрия боевое крещение могло закончиться гибелью, если бы не подоспевший Мыкола, который точным выстрелом снял румынского офицера, набросившегося на Лугового сзади. Юра поблагодарил бойца, и они присоединились к атаке на предмостовые позиции.

Румыны отступали. Вражеская артиллерия открыла огонь по атакующим, но несмотря на это, неся потери под артиллерийским обстрелом, пограничники достигли своих потерянных рубежей и ворвались в окопы занятые противником. В узких траншеях разгорелась настоящая резня, пограничники вступили в рукопашную схватку с противником вытесняя их прочь. Первым на занятые позиции ворвался старший лейтенант Константинов и уничтожил два пулеметных расчёта румын. С румынской территории на противоположной стороне Прута по пограничникам ударил ураганный пулеметный огонь.

По мосту через Прут двинулась вражеская автоколонна с пехотой. Юрий с бойцами добежали до оборонительного рубежа. Артобстрел усиливался, бойцы вжались в землю, патронов у многих почти не осталось. Некоторые пограничники, схватив трофейное оружие, вели огонь из него. У Юрия ещё оставались патроны к винтовке, но их хватило бы на пятнадцать минут хорошего боя.

– Берите трофейные пулеметы и перекидывайте их сюда! Огонь по колонне! Они не должны пройти! – командовал Константинов.

Луговой и Бондарев открыли огонь по колонне, румыны, спрятавшись за машинами, продолжали наступать. Юрий прицелился и выстрелил в водителя второй машины, первую обстреляли из пулеметов. Выстрел убил противника, машину повело, она пробила ограждение и рухнула в реку.

– Да сколько же их, твою мать! – кричал Суханов, – сержант, у меня патроны на исходе!

– Ваня, лови, – Юра достал из подсумка две винтовочные обоймы и кинул их бойцу.

Пограничник поймал их, отдернул затвор, чтоб вставить одну обойму в винтовку, и в эту самую секунду в него попала вражеская пуля. Суханов дернулся и на секунду замер, даже не поняв, что сейчас произошло. Иван опустил глаза на свою грудь и видя, как его гимнастерка начинает быстро пропитываться кровью выпустил из рук винтовку и сполз по стенке окопа.

Юра выстрелил по врагам, снующим между уничтоженной техникой в центре моста и наконец увидел еле живого Суханова.

– Ванька! Ты чего это, Вань?!

Сержант пригнулся и бросился к умирающему товарищу. Когда он добрался до него, то понял, что жить Ивану осталось не больше пары минут.

– Ну как же так, Ванька?! Ну как же так! – кричал Юра, держа его на руках.

Пуля попала ему в грудь, Луговой разорвал гимнастерку на раненом бойце и увидел, как из груди, со стороны левого легкого толчками выливается кровь. Иван закашлялся, из уголка рта потекла красная струйка.

– Мама... как больно... мамочка, – прохрипел Суханов.

– Держись, Ваня, ты только держись, все будет хорошо, – Луговой крепко зажал рану, чтоб хоть немного приостановить кровотечение.

– Я смог, Юра... не струсил... я не струсил.

– Ты молодец, Ванька, только не умирай! В госпиталь поедешь, подлечишься и как новый будешь, на свадьбе еще у тебя погуляем, Вань! – Луговой держал ладони на ране, но кровь продолжала выливаться сквозь его дрожащие пальцы. – Ты только держись...

Суханов начал бледнеть, рана была смертельная, и сержант это понимал.

– Не бросайте меня тут, – Иван смотрел в глаза Луговому, из его рта с кашлем вытекала кровь.

– Не говори глупости, все будет в порядке, держись!

Суханов с трудом дышал, Юрий видел, с какой болью давался каждый вздох его смертельно раненому товарищу. Луговому вдруг впервые стало страшно. Страшно по-настоящему. Страшно до дрожи, до крика, страшно так, что хотелось бросить все и бежать без оглядки как можно дальше, пока ноги не сотрутся в кровь. В этот самый момент, он увидел войну во всей ее ужасающей красе. Держа на руках Ивана, он понял, что она оказалась не такой романтической, как ее описывали в книгах и фильме про бравого красного командира Чапая, который он посмотрел незадолго до армии.

– Не умирай, Ваня, – Луговой держал голову Ивана, а на глазах проступили слезы, – все будет хорошо, ты только не умирай!

– Прощайте, братцы, – прохрипел из последних сил Суханов и вдруг... улыбнулся, – а хорошо как... дома... у своих... хорошо... – Иван сделал последний вздох и обмяк.

Сержант смотрел на убитого. Ещё какую-то минуту назад он был жив, шёл в атаку рядом с ним, дрался с врагом и не боялся. А теперь его нет, как и всей его роты, которая полегла от рук немецкого пилота. Остался только он и раненый Саня Соколов, который прикрывал атакующих огнём из снайперской винтовки. Только сейчас до Юры начало доходить, что же это такое... война.

– Сержант, вы откуда взялись? – к Луговому подбежал политрук Бойко.

Два с половиной года он прослужил с теми бойцами, которые остались лежать возле тех машин. Два с половиной года он видел их светлые лица, общался с ними, с кем-то успел подружиться, ходил с ними в наряды на границу и просто отдыхал вечерами, сидя в беседке у казармы и слушая рассказы о том, как они начнут жить после демобилизации. А теперь они все мертвы. Кто-то хотел пойти учиться в техникум, кто-то планировал устроиться на хорошую достойную работу, у двоих парней даже успели родиться дети, кого-то ждала невеста, и они собирались пожениться после возвращения. Молодые ребята, многим не было и двадцати лет, впереди которых ждала целая жизнь, в одну секунду погибли под вражескими бомбами, так и не взяв на руки своих детей и не увидев счастливые лица матерей. А всегда веселый Ваня, который не мог и пяти минут продержаться, не ляпнув какой-нибудь дурацкой шутки, заставляя свой взвод надирать со смеху животы и вечно получавший за это наряды по кухне. Ваня, который еще вчера хвастался в беседке, как после армии вернется к себе в Ленинград и пойдет работать в уголовный розыск, чьи рассказы никто не воспринимал всерьез, лишь подшучивали над ним – сейчас лежал с простреленной грудью на руках Юры и смотрел стеклянными глазами, в которых только что погас яркий луч его жизни и смотрел в летнее Молдавское небо.

– Сержант? Да очнись ты! – политрук ударил Лугового по щеке и привел его в чувство.

Юра оторвал взгляд от мертвого Суханова и взглянул на политрука.

– Вы кто такие и как тут оказались? – повторил вопрос Бойко.

– На подмогу ехали из комендатуры, нас самолёт обстрелял, все погибли кроме нас троих, по дороге ребята с 10-й заставы присоединились. Так и дошли сюда, встретили Михалькова, а дальше вы все видели.

Политрук протянул ладонь к лицу Ивана и закрыл ему веки.

– Вы молодцы, вовремя успели.

Юрий кивнул в ответ. Враг снова начал атаку, под интенсивным артиллерийским огнём штурмовые подразделения румын начали наступать на мост.

Пограничники понесли серьёзные потери, от заставы осталось 14 человек, двое были ранены, один тяжело. Патроны подходили к концу. Но враг выбит с помещений заставы и отброшен за территорию границы, а застава заняла свои прежние позиции.

До вечера 22 июня противник ещё два раза пытался перейти границу и все два раза отбрасывался обратно. Подкрепление, в том числе и машины с боеприпасами, не могли приблизиться к обороняющейся заставе из-за вражеской артиллерии, которая уничтожила спешащий на помощь резервный корпус кавалеристов и машины с боеприпасами. Лишь одной полуторке к ночи удалось прорваться к пограничникам и пополнить им боезапас. К исходу дня 22 июня 5-я застава успешно отразила 11 атак противника и удержала свои позиции.

Глава 5. Прутский рубеж

23 июня 1941 года,

7 часов 20 минут.

Участок 5-й заставы Кагульского погранотряда.

Рассвет. Земля просыпается. Уже слышно пение птиц в лесу за Прутом. Над рекой гуляет прохладный утренний ветерок и приятно обдувает лицо. В эти редкие минуты затишья начинает казаться, что нет никакой войны. Всего этого не было, а прошедшие сутки кровешного ада, огня, боли, страха и смертей были всего лишь сном. Страшным кошмарным сном. Уже скоро дневальный подаст команду: «Подъём» и начнётся привычный день на заставе, а к вечеру уйдем нести дежурство на границе. Не такой я представлял себе войну. Ох, не такой. Все это оказалось гораздо страшнее, чем в кино про хравого красного командира и сейчас мне хочется лишь одного – выбраться отсюда живым и снова увидеть маму. Мама, мамочка, как же ты там, наверное, думаешь уже бог весть что, волнуешься за меня. Внутри словно что-то перевернулось. Из головы не выходят его глаза, полные боли. Жалко их всех, жалко парней, но больно только за него. Он умирал у меня на руках, а я ничем, чёрт возьми, ничем не мог помочь ему. Зачем я тогда ударил его... Прости. Прости меня, Ваня.

Луговой открыл глаза. Усталость и стресс за прошедшие сутки вымотали его, но пограничник не смог сомкнуть глаз. Румыны прекратили наступление и начали перегруппировку и редко постреливали в противоположную сторону.

Их осталась всего горстка. Горстка бойцов, вставших стеной между Гитлеровской военной машиной и своей Родиной. Вымотанные интенсивными артиллерийскими обстрелами и постоянными атаками врага в попытках снова прорваться на нашу территорию, пограничники верили, что вот-вот подойдут резервы, и Красная Армия погонит неприятеля прочь от наших рубежей. Они ещё не знали, что на других участках государственной границы немецкие войска прорвали оборону и продвинулись вглубь советской территории на десятки километров. Но Молдавский округ держался. Держался и ждал помощи, которая так к ним и не придет. Но своевременное, грамотное управление и организация округом позволили грамотно встретить и отбросить неприятеля обратно на его территорию.

Юра поднялся и, взяв винтовку, пригнувшись, двинулся к позиции, где укрылся его друг Александр Соколов. Обходя дремавших бойцов, взгляд Лугового то и дело наталкивался на мёртвых боевых товарищей. Юрий пытался отыскать глазами тело Суханова, но его, как и многих других павших ещё вчера, оттащили от предмостовых позиций и сложили в ближайшей воронке. Он просил не бросать его здесь. В памяти возник образ умирающего на его руках Ивана и его последние слова.

– Не брошу, Ваня, – шептал Луговой, пробираясь через окоп, – я не брошу тебя тут.

Соколов нашёлся не сразу. Удобно примостившись в воронке за поваленным от взрыва деревом, новоявленный снайпер следил за вражеским берегом через оптический прицел. Аккуратно подобравшись к нему, Юра высунул винтовку и посмотрел на друга.

– Как твоя нога? – спросил он.

– Лучше, передвигаться уже могу самостоятельно, – ответил Сашок, не отрываясь от прицела, – меня санинструктор здешний подлатал немного. Кстати спасибо тебе, что рану отчистил, а то ноге точно бы кирдык случился.

Юрий одобрительно кивнул и повернулся на спину.

– Как ты, Юра? Скверно выглядишь.

– Все в порядке, только Суханов из головы не выходит.

– Ты ничего не мог сделать, ранение было смертельным, ты же понимаешь это не хуже меня.

– Да, понимаю, – ответил Луговой, смотря в небо пустыми глазами.

– Ты ни в чем не виноват, опомнись уже, наконец.

– Он ведь у меня на руках, понимаешь... – резко повернулся к другу Луговой, – у меня на руках умирал...

– Это война, Юра, здесь умирают и убивают, – злостно ответил Соколов, – возьми себя в руки, товарищ младший сержант!

Повисло тяжелое молчание. Двадцать минут бойцы молча наблюдали за рекой, не произнеся ни слова. Минут через пять появился Мыкола Рудко. Под вечер в перестрелке его слегка зацепило, на руке выше локтя красовалась пропитавшаяся кровью повязка.

– Вот вы где, я вас обыскался, – обрадовался ефрейтор.

– А куда же мы денемся? – мрачно ответил Луговой.

– И то верно, – кивнул Мыкола, – ну що, хлопцы, скоро вражина опять пойдёт нас штурмовать.

– Попрет – так мы его радушно встретим – ответил Юра.

– Когда же это все закончится? – спросил Мыкола, глядя в пустоту.

– Все только началось, брат, только началось, – ответил Соколов, проверяя обойму в трофейной винтовке.

Бойцы ещё какое-то время просидели в тишине, как вдруг с нашей стороны послышался гул самолётов. Советская штурмовая авиация в сопровождении шести «МИГов» пересекла границу и взяла курс на румынские нефтепромыслы. Ответный удар не заставил себя ждать. Вдалеке заработали вражеские ПВО, но попали ли они по нашим самолетам или нет, пограничники рассмотреть не смогли.

На противоположном берегу Прута началась возня. В бинокль старший лейтенант Константинов видел, как румыны стягивают новые силы для атаки на пограничников. Их стало вдвое больше, чем во вчерашнем бою. Патронов у ребят пока было достаточно благодаря проравшейся к ним под покровом ночи полуторки и подошедшего подкрепления – двух эскадронов 72-й кавалерийской дивизии. Связь была восстановлена, и по поступившему приказу генерал – майора Никольского следовало дожидаться саперов и подорвать мосты. На заставе взрывчатки не было, поэтому в соседний полк за ней и за взводом саперов отправилась машина. Предстояло взорвать два моста – деревянный и железнодорожный. Эх, если бы мы только успели их заминировать заранее, было бы куда проще. Но что сделано, то сделано, а до того момента, пока мосты не будут взорваны, пограничники обязаны удержать оба моста и не пропустить противника на нашу территорию.

* * *

Два часа спустя...

– Началось!

– Всем на землю! Пригнули головы!

Заработала румынская артиллерия, смертоносный стальной град посыпался на головы пограничников. Румыны, уже пристреляв свои орудия, били намного точнее, чем вчера. Луговой вжался в окоп, у него было ощущение, что каждый румынский снаряд летит именно в него. В Юрия летели комья земли, стоял невыносимый грохот, в ушах звенело. После артподготовки с сопредельной стороны ударил ураганный пулеметный огонь, целью которого было прижать пограничников к земле и не дать им высунуть головы. Атака на мост началась.

– Застава к бою! – скомандовал Константинов.

Юрий передернул затвор винтовки и выглянул из окопа.

– Ну, Сокол, вот и началось.

– Наконец-то, а то я уже заскучал, – улынулся снайпер.

– Не высовывайся лишний раз, Саня.

– Тебя тоже касается.

Румынские штурмовые отряды начали наступать на мост. Заработали наши пулеметы, застава открыла по врагу ответный огонь.

– Соколов, бей по пулеметчикам! – выкрикнул Константинов.

– Есть, товарищ старший лейтенант! – отозвался снайпер.

Александр прицелился в одного из работающих пулеметов и медленно выдохнув нажал на спусковой крючок. Приклад трофейного карабина толкнул бойца в плечо. Саня смахнул слезинку с глаза и снова уставился в оптику. Один пулемет умолк.

Луговой стрелял по врагам, укрывшимся за уничтоженной техникой в центре моста. В опасной близости от его лица чиркнула об землю пуля. Пограничник отпрянул от стенки окопа и пригнулся, у него перехватило дыхание. Инстинктивно ощупал лицо. Все было в порядке, его не задело.

– Юрок, ты живой?! – испуганно выкрикнул Сашка.

– Не дождешься, Сокол! – крикнул в ответ сержант и снова прицелился в румын.

– Молодец, чертяка! – обрадовался друг, – бей сволочей!

«Это вам за парней, уроды, – думал Луговой, пуская пулю в очередного вражеского солдата, мелькнувшего в перекрестии прицела, – за всю мою погибшую роту, сволочи... за Ваню... на еще!» – вылетела последняя гильза, и сержант полез за новой обоймой.

По румынам также ответила наша артиллерия. Корректировщики вычисляли места дислокации румынской артиллерии и били по ней ответным огнем. Противник начал подтаскивать надувные лодки к воде и попытался переправиться на них. Заметив врага с воды, по румынам со всех стволов ударили бойцы 72-й кавалерийской дивизии, оборонявшие берег совместно с пограничниками. Открыв мощный пулеметный огонь, кавалеристы потопили до десяти лодок противника. Не добравшись и до середины Прута, уцелевшие румыны поплыли обратно.

Основные силы нацелились на мосты. Отделение пулеметчиков, державшее под прицелом мост, несло потери, три бойца-кавалериста были убиты, четвертый тяжело ранен. С сопредельной стороны по нашим пулеметчикам работал румынский снайпер. После предупредительного окрика Константинова о вражеском снайпере, Сокол вознамерился убрать его, и пока Юрий был занят наступающими румынами, незаметно испарился со своей лежанки.

– Вот же неумный, – выругался Юрий, – ну куда его понесло, сейчас же завалят дурня!

Тем временем Соколов, перебравшись чуть левее за оборонительные позиции пограничников, устроился в зарослях камыша. Удобно и уже с какой-то любовью устроив свою винтовку, взглянул в прицел, рассматривая противоположный берег.

– Ну, где же ты, сволочь? – шептал Александр, водя прицелом по берегу.

Солнце уже было высоко, вид в прицел был хороший, рано или поздно эта гадина выдаст себя, и Сокол будет готов.

Под прикрытием артиллерии, которая прижала советских бойцов к земле, румынам удалось снова прорваться через мост, но закрепиться на вновь занятых позициях им не дали. Быстро опомнившись, пограничники слаженной контратакой отбросили врага обратно, понеся при этом незначительные потери – одного бойца ранило. Румыны откатились на свои прежние позиции и прекратили атаку, продолжив утюжить упорных погранцов артиллерией.

Когда бой закончился, Константинов оставил политрука за главного и двинулся осматривать позиции. Пограничники держались молодцами, лица уставшие, но злые. Пробравшись до Юрия и Мыколы, Константинов оглядел бойцов и одобрительно кивнул.

– Ну, как тут у вас? – спросил командир.

– Да в порядке все, товарищ старший лейтенант, – ответил Рудко, – держим с хлопцами оборону, не одна падла не проскочит, уж будьте спокойны.

– Молодцы, ребятки, молодцы, так держать!

Лейтенант присел на пустой ящик из-под гранат и достал из нагрудного кармана пачку папирос.

– Курить хотите?

– Я не курю, – ответил Юрий.

– А я бы не отказался, – обрадовался Мыкола и сразу с наслаждением понюхал протянутую командиром папиросу.

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, – поблагодарил радостный ефрейтор.

– Да не за что, – улыбнулся командир, – курите, неизвестно когда еще удастся.

– Как думаете, сколько это еще продлится? – спросил Луговой, – когда наши подойдут, когда мы этих мразей добьем уже?

– Подойдут, младший сержант, скоро подойдут, – ответил командир и выпустил струйку дыма.

– А с вами же снайпер был, Соколов, что-то я его вижу, – командир оглядел бойцов, – неужто убили?

– Да нет, не убили, – ответил Луговой и посмотрел на пустую лежанку, – он собрался на снайпера румынского охоту устроить и уполз.

– На снайпера значит? – Константинов снова выпустил струйку дыма, – Да уж, эта мразь четверых моих пулеметчиков убила.

Константинов привстал с ящика, щелчком отправил окурочек в сторону реки и аккуратно выглянул из-за бруствера.

– Осторожно, командир, он же тут...

Рудко бросился к Константинову и сбил его с ног. В этот момент с того берега прозвучал выстрел, у лейтенанта с головы вихрем слетела фуражка. Через долю секунды, из камышей слева от позиций, прогремел еще один выстрел. Вскоре с той стороны на головы ошалевших бойцов и командира с бруствера в окоп свалился довольный Соколов.

– Достал! – широко улыбаясь, твердил снайпер, – достал гада!

– А он меня чуть не достал, – пробормотал командир, держа в руках дырявую фуражку.

– Если бы не вы, он бы и не высунулся, – растерянно ответил Александр, – благодаря вам мне удалось его завалить.

– Ну вот, на что-то я сегодня сгодился, – поднял глаза на снайпера командир и рассмеялся.

Трое солдат тоже улыбнулись, все – таки все остались живы, а румынский снайпер – нет.

– Молодец, Соколов, – похвалил Константинов, – вот уж точно глаз-алмаз, – и, пригнувшись, двинулся в обратном направлении.

Довольный снайпер повернулся к друзьям и тут же получил оплеуху от Лугового.

– Хоть бы предупредил, дуралей, – недобро глянул на снайпера Юрий.

– Да иди ты, – Александр потер затылок, – ну получилось же!

– Да брось ты, Юрок, красиво хлопчик сработал, ну скажи же.

– Красиво, но в следующий раз хоть предупреждай, когда вздумаешь уползти.

– Заметано, ребята, – улыбнулся Соколов и занял свою прежнюю позицию.

До вечера обстановка на участке оставалась достаточно спокойной. Румынские войска больше не предпринимали попыток перейти границу и сосредоточились на артиллерийском обстреле позиций пограничников.

К вечеру вернулась машина с саперами. Предстояло самое тяжелое – под ураганным пулеметным и артиллерийским огнем противника прорваться к мостам, заминировать их и взорвать.

Константинов собрал бойцов и поделил их на две группы, в которые входили пограничники, кавалеристы и саперы. Первая под руководством старшего политрука Бойко должна была прорваться к деревянному мосту и взорвать его. Вторая группа, которую возглавил сам Константинов, должна была прорваться к железнодорожному мосту и уничтожить его.

– Задача нам предстоит нелёгкая, но мы обязаны её выполнить, – напутствовал Константинов.

– Делимся на две группы, первую поведешь ты, политрук, – обратился лейтенант к Бойко, – ваша задача, во что бы то ни стало прорваться к деревянному мосту и взорвать его. Вторая группа идёт со мной, наша задача – железнодорожный мост. Саперы, вы готовы?

– Так точно! – отозвался командир саперного взвода.

– Отлично, значит, слушайте, через десять минут наша артиллерия нанесет удар по румынским позициям. Под прикрытием артогня атакуем мосты, закладываем взрывчатку и взрываем их к чертовой матери! Крайне важно, подчеркиваю, крайне важно взорвать оба моста!

Задачи были распределены, бойцы готовились к атаке. Юрий и Мыкола попали в группу под руководством политрука Бойко, остальные ребята из заставы Рудко, будут атаковать второй мост.

Собрав боеприпасы и ожидая артогня, Юрий собирался с мыслями. Он думал, что этот бой ему точно не пережить. Наверное, так думал каждый боец, ведь им предстояло вылезти из укрытий и пройти по открытому берегу, который простреливался со всех сторон, добраться до деревянного моста и успеть заложить взрывчатку. А половина моста занята румынами, и они не будут так просто стоять и смотреть, как его минируют.

Так, нужно успокоиться, нельзя о таком думать перед боем. Все будет в порядке, прорвемся. До этой минуты везло и сейчас повезет.

* * *

– Внимание! Приготовились! – донеслась команда Бойко.

Луговой и Рудко переглянулись. Ну, началось! Сейчас ударит артиллерия и бойцы двинутся в атаку на мост.

– Сашка, ты там присмотри за нами, – обратился Мыкола к снайперу.

– Будьте осторожны, мужики, и возвращайтесь живыми, – ответил Соколов и похлопал Рудко по плечу, – я вас прикрою!

Юрий попытался вспомнить молитву, которой его в детстве учила мама, но от нервного напряжения не смог вспомнить и двух слов. В Бога он никогда не верил, но сейчас, в эти самые минуты перед боем, ему хотелось верить в высшие силы, которые присматривают за ним и оберегают.

Спустя несколько нестерпимо долгих минут, за спинами защитников границы вдалеке послышались оружейные залпы, донесся характерный свист и по вражескому берегу ударила наша артиллерия. На румынские войска обрушился смертоносный дождь советских снарядов. Луговой видел, как враг в панике разбегается со своих позиций и пытается укрыться в окопах и воронках, чтобы спастись от смерти с небес. Час пробил.

Первым из окопа выскочил политрук и, скормандовав остальным бойцам, вскинул свой «ППД», бросился к мосту. По румынам, засевшим на деревянном мосту, открыли огонь пулеметчики, заставив тех укрыться за покореженной техникой.

Пограничники пошли в атаку. Юрий и Мыкола, переглянувшись, выскочили из укрытия и побежали вслед за командиром. Вскоре пришли в себя румынские пулеметчики, и с противоположного берега по атакующим бойцам ударил ответный пулеметный огонь. Двое солдат, бежавших впереди, тут же упали, сраженные пулями. Юрий на бегу перепрыгнул упавшего бойца и побежал дальше. Рудко бежал чуть впереди и Луговой старался не отставать от него. Ноги заплетались, бежать в сапогах по прибрежному песку было крайне неудобно. Вражеские пулеметы не смолкали, пограничники, неся потери, прорывались к мосту.

Тем временем Константинов вел своих бойцов на железнодорожный мост. На нем сопротивление оказалось куда ожесточенней, чем на деревянном, который атакował политрук Бойко со своим отрядом. Но, прорвавшись сквозь вражеский огонь саперы успешно заминировали мост. Отступив и приведя в действие взрывные устройства, Константинова ждал неприятный сюрприз – мост не рухнул. Бойцам пришлось пробиваться к мосту во второй раз и, заложив в общей сложности около четырехсот килограмм взрывчатки, мост удалось разрушить. Теперь дело оставалось за политруком и его группой.

Румыны, опомнившись от такой внезапной атаки советских бойцов, начали яростно обороняться. Достигнув моста, политрук тут же приказал саперам приступить к минированию. Противник, заметив, что советские солдаты собираются взорвать мост, попытался отбить противоположную сторону, но был отброшен назад дружным огнем погранцов. Юрий, укрьвшись за деревянной опорой моста, стрелял по мелькавшим врагам. В опору вонзались пули, сердце бешено колотилось в груди, адреналин был через край, но сержант, редко высываясь, метко снимал солдат противника.

Пока для атакующих мост бойцов все складывалось благополучно, минирование почти было завершено, саперы начали тянуть шнур обратно к позициям пограничников. Румыны старались убить саперов, тогда за дело брались следующие оставшиеся бойцы саперного взвода. Спустя пятнадцать минут боя, политрук Бойко, засевший за будкой караульного, скормандовал отходить. Юрий, отстреляв очередную обойму, оглянулся и увидел, что пограничники начали отступать.

«Отлично, значит, сработало, неужели мы справились?» – обрадовался Луговой.

– Юра, отходим! – раздался голос Рудко.

Ефрейтор сидел за мешками из песка и стрелял по румынам, пытавшимся подобраться к взрывчатке, чтобы перерезать провода.

– Отступай, я прикрою! – кричал Мыкола, – давай, пошел!

Луговой, вставив в винтовку очередную обойму, вскочил и пригнувшись побежал к нему. Добежав до ефрейтора, Юра увидел, сколько его товарищей пали на этом мосту. На земле то тут, то там лежали люди в форме советских пограничных войск, люди, которые еще утром радовались, что им удалось пережить вчерашний бой за заставу. Господи, почему ты позволил всему этому случиться? Добраться бы до окопов живым.

Отступающих прикрывали пулеметные расчеты. Основная часть бойцов уже укрьлись на своих позициях, а на мосту оставались Луговой, Микола, Бойко и еще несколько солдат. Политрук, подхватив под руку раненого сапера и снова крикнул отходить. Пограничники, пригнувшись, побежали обратно, стараясь как можно быстрее оказаться в спасительных траншеях. Румынские пулеметы били по нашему берегу не переставая. Соколов, устроившись на новой позиции, следил в прицел за своими товарищами, не забывая при этом снимать вражеских пулеметчиков. Руку Александр уже набил и стрелял без промаха, как заправский снайпер. Как только падал очередной сраженный снайперской пулей румынский пулеметчик, его место через несколько секунд тут же занимал другой. Действия советского снайпера не позволили

противнику сконцентрировать пулеметный огонь на пограничниках и помогли большинству из них вернуться живыми после атаки на мост.

Пограничники отступали. Задача была почти выполнена, оставалось только добраться до наших позиций и повернуть рычаг. Юрий с бойцами бежал позади, прикрывая отход остальных. Внезапно пограничник, который помогал политруку тащить раненого сапера, вскрикнул и упал, ему в спину вонзилась автоматная очередь. Луговой, заметив румынского офицера, стрелявшего с моста, тут же пустил в него пулю. Офицер выронил автомат, схватился за грудь и повис на парашете.

– Мыкола, подсоби политруку, я прикрою вас! – прокричал Юра.

– Понял! – ответил ефрейтор и подхватил раненого под вторую руку.

Осталось чуть-чуть, мы почти добрались. Еще пара шагов, и все это закончится.

Луговой передернул затвор и нажал на спусковой крючок, но в ответ винтовка издала лишь сухой щелчок. Сержант полез за следующей обоймой и с ужасом обнаружил, что подсумок был пустым. Ну, вот тебе на, приехали. Как же так, патроны надо было экономить. Остается надеяться, что за эти два шага до окопа их не пристрелят. Бойко и Рудко уже добрались до траншеи и аккуратно опускали туда раненого. Юрию оставалось пробежать метра три, как с криком рухнул рядом бежавший пограничник. Он был ранен, пулеметная очередь перебила солдату обе ноги ниже колена. Раненый перекатился на спину и заорал от адской боли. Черт возьми, а ведь почти пробежал! Юра повернулся и, бросившись ничком на песок, пополз к раненому. Подобравшись к нему, сержант схватил того за ворот и потянул в сторону окопа.

– Давай! – ругался Юрий, – помогай мне, иначе оба тут останемся!

Раненый кричал и пытался оттолкнуться от песка ногами, но это лишь причиняло ему еще большую боль и сковывало его движения. Почти все пограничники успели пробежать до траншеи и укрылись в них. Румынские пулеметчики сконцентрировали огонь на двух советских бойцах, оставшихся на песке, пытаясь добить их, но пограничникам удалось доползти до окопов.

И вот, наконец, Луговой сумел дотащить раненого бойца до позиций, солдаты достигли спасительной траншеи. Бойцы помогли затащить раненого вниз, сейчас и он, Юра, окажется недотягаем до вражеских пуль, осталось только перевалиться через бруствер, и это хождение по лезвию закончится. Луговой приподнялся, уже готовясь перебраться в окоп, как внезапно все его тело пронзила резкая взрывная боль. Пуля прошла насквозь тело Юры, войдя через правую подмышку, раскрошила ребра и вылетела, чудом не задев сердце. Вскрикнув, раненый сержант повалился на пограничников, пытавшихся помочь ему перебраться в окоп.

«Боже мой, неужели это случилось со мной? – думал Юрий. – Нет! Нет! Только не сейчас, только не сегодня, я не хочу умирать, только не так!»

Луговой попытался закричать, но из его груди вырывался кровавый кашель. В глазах мутнело. Перед тем как потерять сознание, сержант заметил, как к нему подбежал Мыкола Рудко. Он что-то кричал ему. Красный крест на повязке санинструктора. Как позже в тумане мелькнуло лицо Сашки Соколова. Как над ним склонился Иван Суханов, убитый вчера на руках у Юрия. Он улыбался, его лицо было светлое и чистое.

– Все в порядке, Юрок, – улыбался Суханов, – вы справились. И вы отомстили за нас. За всех нас.

Луговой пытался что-то сказать Ивану, но сознание становилось туманным, слабость от потери крови одолевала его. Он слышал голос Соколова, который просил его не закрывать глаза, не отключаться и смотреть на него, но Луговой уже не видел перед собой ничего. Только свет, яркий красный свет от зари заходящего солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.